

Алексей Ракитин

**Серийные убийства в Канаде.
Хроники подлинных
уголовных расследований**

«Издательские решения»

Ракитин А.

Серийные убийства в Канаде. Хроники подлинных уголовных расследований / А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-595706-1

В книге собраны документальные очерки, посвященные расследованиям необычных серийных убийств в Канаде в последней трети XX столетия. Автор детально разбирает как криминальную тактику преступников, так и ход оперативно-розыскных мероприятий по их разоблачению. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей уголовного сыска.

ISBN 978-5-00-595706-1

© Ракитин А.
© Издательские решения

Содержание

Убийца, опровергнувший Оккама	6
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Серийные убийства в Канаде Хроники подлинных уголовных расследований

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2023

ISBN 978-5-0059-5706-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Убийца, опровергнувший Оккама

Реформа среднего образования в России выплеснула на просторы интернета целое поколение молодых людей, получивших весьма странные и порой прямо абсурдные представления о мире. Люди говорят и мыслят такими дремучими и примитивными штампами, что порой даже берёт оторопь, и остаётся лишь хвататься за голову: неужели взрослые люди действительно могут быть до такой степени простодушны? Один из таких логических штампов, любимый "поколением ЕГЭ" и втыкаемый его представителями во все споры – это твёрдая уверенность в том, что доказываются лишь положительные утверждения, а отрицание в доказательствах не нуждается. Современной образованщине невдомёк, что в реальном мире это совсем не так. Когда молодым и не очень дурачкам напоминаешь о "великой теореме Ферма", сама формулировка которой начинается со слов "не существует целочисленных ненулевых решений для неравенства....", у современной образованщины возникает запор мыслительного процесса. Отличники и медалисты, поднаторевшие в списывании рефератов из интернета, зачастую попросту не знают формулировки знаменитой теоремы. Вообще же, доказательство отрицания – это один из столпов не только математики, но и права: защита в суде доказывает недеяние обвиняемым инкриминируемого преступления, либо отсутствие у него умысла и пр.; кроме того, доказывается *alibi*, т.е. непричастность подозреваемого на месте преступления. В математике один из принципов строгого доказательства лемм и теорем – это доказательство "от противного", при котором как раз делается попытка обосновать утверждения, противные исходному, после чего делается вывод о правильности именно исходного предположения (допущения) и никакого другого. Но болванам из "поколения ЕГЭ" эти истины не нужны, они твёрдо запомнили, что отрицание не нуждается в доказательствах, и искренне удивляются, когда над ними начинают смеяться.

Другой любопытный тезис, чрезвычайно популярный у молодёжи с отформатированным современной средней школой мозгом – это упоминание к месту и не к месту пресловутого «правила Оккама». Бедный францисканский монах Уильям Оккам, должно быть, устал уже греметь костями, переворачиваясь в своём гробу, оттого, что отечественные недоучки и недоумки треплют его имя по любому поводу. И даже без повода. Тот, кто действительно учился, знает, что логическая «брита Оккама» сводится к бездоказательному трюизму: из двух доказательств, обосновывающих одинаковый тезис, предпочтение следует отдавать такому, которое требует привлечения минимальных доводов. Можно это правило сформулировать иначе: именно простейшее из всех доказательств является наилучшим.

Молодые люди из "поколения ЕГЭ" упускают из вида, что "брита Оккама" – это не аксиома, а презумпция, а потому опровергаема. Сам Оккам сформулировал свой принцип, имея в виду сугубо теологические споры, и ни в коем случае не допускал его расширительного толкования. Более того, повседневная жизнь и деятельность людей на каждом шагу опровергают пресловутую "бриту": упрощённые версии и объяснения зачастую не только не помогают понять суть явлений, но напротив, уведат прочь от истины.

Множество весьма показательных примеров таких опровержений даёт нам история уголовного сыска. Криминальная активность порой принимает настолько нелогичные, странные и даже парадоксальные формы, что попытки руководствоваться "правилом Оккама" при их объяснении обречены на провал.

Один из таких весьма показательных примеров приключился в канадской провинции Онтарио в 1970-х гг. Ему и посвящён этот очерк.

9 августа 1974 г. должен был стать особым днём в жизни Лоры Браун, жительницы сравнительно небольшого (около 80 тыс. чел.) города Гуэльф, расположенного примерно в 100 км от Торонто, крупнейшего города Канады. В этот день Лора должна была стать совершеннолет-

ней и получить водительские права – в Канаде это делается почти автоматически, достаточно лишь сдать теоретическую часть правил дорожного движения. (Получаемые водительские удостоверения называются "ученическими" и накладывают на их владельца ряд ограничений. Через год следует экзамен по практическому вождению, и "ученические" права обмениваются на полноценные). Лора проживала в одной квартире с матерью – Дорис Браун, – и утром они собирались вместе отправиться решать вопрос с водительским удостоверением.

Накануне вечером Дорис на глазах дочери поставила будильник на 07:15, однако следующим утром Лора проснулась часом позже и обнаружила, что будильник не прозвенел и мама ещё не встала. Это было очень странно, ведь они уже опаздывали! Дочь забежала в спальню матери, и именно в ту секунду будильник зазвонил. Произошло это в 08:15, т.е. ровно на час позже выставленного накануне времени. Дорис лежала, укрытая одеялом под самый подбородок, и никак не реагировала на звук будильника. Дочь попыталась разбудить её, но быстро поняла, что с матерью что-то совсем неладно. Девушка позвонила дяде и тётке и, кратко объяснив ситуацию, попросила их приехать как можно скорее.

Родственники появились в течение 10 минут. Они вызвали лечащего врача Дорис, хотя и так уже было ясно, что женщина мертва. Осмотр мебели и вещей ничего подозрительного не выявил – всё, вроде бы, находилось на своих местах, ничего ценного из квартиры не пропало. На прикроватной тумбочке стояла пластиковая туба со снотворными таблетками, купленными по рецепту. Их пересчёт показал, что отсутствуют всего две таблетки, так что казалось очевидным, что передозировка успокоительным не могла явиться причиной смерти. Приехавший врач ограничился самым поверхностным осмотром и заявил, что для него картина ясна – 49-летняя женщина скоропостижно умерла от обширного инфаркта. Менее года назад Дорис Браун развелась с мужем, с ней остались две дочери, женщина испытывала материальные затруднения, так что перманентный стресс вполне мог спровоцировать болезнь сердца. Хотя Дорис на сердце никогда не жаловалась.

Слева: Дорис Браун более двадцати лет прожила в браке, казавшимся счастливым и стабильным. Женщина не работала, вела домашнее хозяйство, воспитывала двух дочерей. Но, как это часто случается у дурных мужиков, седина в бороду, а бес в ребро, муженёк Дорис, прожив полвека, отыскал молодую зазнобу, и брак распался. В возрасте 48 лет Дорис пришлось начинать жизнь заново. У неё это вроде бы получилось, в течение года после развода жизнь наладилась, материальные проблемы удалось успешно разрешить, появились планы на будущее. Но... странная скоропостижная смерть перечеркнула всё. Справа: Дорис с Лорой, старшей из дочерей. Фотография сделана в 1970 г.

Никакого криминала в случившемся врач не усматривал и даже был готов разрешить захоронение Дорис Браун без проведения аутопсии, однако один неприятный момент не позволил ему это сделать. Когда явившиеся с целью забрать тело работницы похоронной службы подняли труп, под ним оказалось пятно крови, натёкшей из ректума. Врач попытался объяснить это тем, что такое, дескать, случается сплошь и рядом; у человека в состоянии агонии происходит опорожнение мочевого пузыря и прямой кишки, но поражённая увиденным Лора Браун категорически потребовала провести вскрытие тела. Девушка рассказала о странном переводе времени срабатывания будильника, но врач только отмахнулся, мол, либо Лора что-то путает, либо Дорис под утро сама перевела время на час позже.

Но требованию Лоры врач всё же уступил и оформил направление на вскрытие.

Результаты аутопсии оказались довольно странными. Проводивший вскрытие врач-патологоанатом (не судебный медик) зафиксировал симптоматику, характерную для механической асфиксии: точечные кровоизлияния в склеры глаз, переполненность кровью правой половины сердца, тёмную жидкую кровь в сердце и крупных венах (что свидетельствовало о ещё прижизненном насыщении крови углекислотой). Кроме того, кровь была обнаружена в трахее, и попала она туда как раз из-за механического повреждения дыхательного горла. Как это повреждение могло произойти, врач, проводивший вскрытие, объяснить затруднился, хотя при этом отметил, что самотравмирование умершей исключать нельзя. Врач даже не понял, что сделав такое заявление, вступил в прямое противоречие с самим собой. Также в ходе аутопсии были зафиксированы трещины и надрывы сфинктера и прямой кишки; они-то и явились причиной кровотечения, так поразившего близких Дорис Браун. Ректальное отверстие зияло, как это бывает после полового акта. Этому наблюдению патологоанатом также не смог найти объяснения. Никакого превышения содержания в крови, мозгу или печени лекарственных или наркотических препаратов обнаружено не было. Отсутствовала симптоматика острой аллергической реакции. В целом, умершая была здоровой и сравнительно молодой женщиной. Проводивший вскрытие врач, по-видимому, и сам до некоторой степени поразился полученному результату. Наверное, он стал подозревать убийство, потому как пригласил на беседу лечащего врача и поинтересовался обстоятельствами, сопутствовавшими обнаружению тела, и обстановкой на месте обнаружения трупа. Беседа с терапевтом, однако, успокоила патологоанатома, и тот написал в своём заключении, что смерть Дорис Браун последовала в результате синдрома внезапной смерти взрослых, довольно редкого, но признаваемого медицинской наукой явления.

Лора Браун, дочь умершей женщины, была поражена заключением до такой степени, что встретила с врачом, проводившим вскрытие, и попыталась разобраться в том, что же именно тот написал в представленном документе? Врач разъяснил, что синдром внезапной смерти взрослых существует объективно, хотя наука объяснить его пока не может. В такой смерти ничего криминального нет, примерно 2/3 таких случаев происходит при свидетелях. Человек умирает во сне сообразно тому, как описывает процесс умирания танатология: начинается агония, которая зачастую длится по часу и более, человека пытаются разбудить, но сделать это не удаётся, поскольку его сон на этом этапе уже не является здоровым сном – это, скорее, кома. Непосредственной причиной смерти оказываются разнообразные нарушения в работе сердца. Правда, у Дорис Браун такого рода нарушений обнаружено не было, но это не отменяет окончательного вывода.

Полученные объяснения Лору не удовлетворили, и она направилась к лечившему маму терапевту. Тот в общих словах повторил объяснения патологоанатома и постарался успокоить девушку, весьма здраво указав на то, что сложно подозревать криминальную причину смерти в той обстановке, в которой умерла Дорис Браун. Квартира расположена на четвёртом этаже, входная дверь всё время оставалась заперта, сама Лора всю ночь проспала за стеной спальни матери – ну, как можно скрытно изнасиловать и убить в такой обстановке? И почему сама Лора

не сделалась жертвой преступника, если допустить, будто таковой действительно существовал? В общем, врач до известной степени успокоил дочь.

На этом история со странной смертью Дорис Браун оказалась на несколько лет "законсервированной". Случившееся осталось в памяти родных и близких умершей женщины, но в полицию никакой информации о данном инциденте не поступило и потому отражения в документах правоохранительных органов не нашло.

Между тем, смерть Дорис Браун являлась именно убийством, причём осуществлённым очень ловко и неординарно. Преступник остался на свободе, и его новое нападение являлось лишь вопросом времени.

23-летняя Дайана Бейтц (Diane Beitz) работала в бухгалтерии компании, торговавшей бензином и дизельным топливом, проживала в многоквартирном доме в Гуэльфе примерно в 1,5 км от того дома, в котором была убита Дорис Браун. В самом конце 1974 г. Дайана попросила на работе отпуск – она планировала отправиться в небольшое путешествие со своим женихом, 27-летним Джеймсом Будровски. Заканчивавшийся год, казалось, был для Дайаны очень удачным – она получила отличную работу, купила новую машину, благодаря стараниям знакомого риэлтора сняла хорошую квартиру по весьма умеренной цене, да и на «личном фронте» всё складывалось в высшей степени замечательно: Джеймс явно намеревался сделать предложение. Так что Дайана могла позволить себе отдохнуть...

30 декабря 1974 г. молодая женщина провела вечер со своим возлюбленным. Джеймс подарил бриллиантовое колечко и сделал предложение, от которого незамужние женщины обычно не отказываются. Ужин прошёл в самой теплой обстановке, молодые люди строили планы на будущее, и Джеймс остался с Дайаной в её квартире до утра. Проснулись они в 05:45 31 декабря, молодому человеку надо было отправляться на работу, и Дайана поднялась вместе с ним, чтобы приготовить завтрак. Примерно через 45-50 минут Джеймс вышел из подъезда и на парковке у подъезда заметил большую коричневую автомашину с сидевшим за рулём человеком. Двигатель машины работал на холостых оборотах. В общем-то, ничего необычного в машине с шофёром не было, и Джеймс спокойно прошёл мимо.

Вернулся он обратно в квартиру Дайаны около 18 часов, открыл дверь своим ключом, потому как хозяйки дома не оказалось. Некоторое время Джеймс занимался своими делами – умылся, достал из холодильника кое-какую еду, принялся готовить ужин – однако затем испытал странное чувство тревоги. Дайана ушла, не оставив записки, и это вдруг показалось Джеймсу подозрительным. Он прошёлся по комнатам, рассчитывая обнаружить указание на то, куда и зачем отправилась невеста, и только теперь обратил внимание на одеяла, сваленные в кучу на кровати в спальне. Их зачем-то вытащили из шкафа и хаотично побросали без всякой видимой цели. Мужчина принялся убирать одеяла с кровати; не потому, что заподозрил что-то, а с самой тривиальной целью навести порядок... и под одеялами обнаружил труп Дайаны. То, что это труп, сомнений быть не могло – на шее затянута удавка, сделанная из бюстгалтера, а руки на животе связаны белыми колготками.

Шокированный увиденным, молодой человек помчался к соседям этажом выше и попросил их вызвать полицию. Те не поверили рассказу незнакомого мужчины и всей семьёй – муж, жена и 15-летний сын – направились вниз, чтобы удостовериться в истинности его слов. Через много лет участвовавший в этом подросток вспоминал, что его удивил порядок в квартире Дайаны и то, как аккуратно перед дверью в спальню были поставлены её розовые тапочки. В этом чувствовалась какая-то нелепая несуразность потому, во-первых, что тапочки снимают обычно у кровати, а не за порогом комнаты, а во-вторых, люди, как правило, не обращают внимания, на то, сколь ровно тапочки поставлены. Кстати, на эту странность чуть позже обратила внимание и полиция...

Прибывшие на место преступления полицейские установили, что замки входной двери не были сломаны и не открывались посредством отмычек. Не были повреждены и окна. Всё это заставляло предполагать, что Дайана добровольно впустила убийцу в квартиру.

В этой связи на роль подозреваемого лучше всего подходил жених убитой, однако, его alibi не могло быть опровергнуто. По мнению коронера, смерть Дайаны Бейтц последовала утром 31 декабря в интервале от семи до десяти часов, а Джеймс Будровски в это время работал на складе в составе бригады из 5 человек. Невозможно было представить, чтобы он уговорил такую компанию обеспечить его фиктивным alibi. Так что на месте преступления во время убийства своей невесты Джеймс отсутствовал – это было однозначно. Полиция принялась искать человека, которого погибшая знала и кому могла бы доверять – это было основное направление розысков, которые курировал начальник полиции Гуэльфа Роберт МакКэрон.

Надо сказать, что события 31 декабря не ограничились только убийством Дайаны Бейтц. В 10:20, т.е. ещё до обнаружения её трупа, в полицию обратился житель соседнего дома Рассел Морис Джонсон (Russell Maurice Johnson), сообщивший, что из его автомашины пропал чемодан с личными вещами. По его словам, машина была припаркована на той самой автостоянке, через которую ранним утром проходил Джеймс Будровски. Джонсон постоянно проживал в другом городе провинции Онтарио – Лондоне, – но регулярно приезжал в Гуэльф к отцу. Во время последнего приезда он оставил в салоне автомашины чемодан с вещами – кожаной курткой на меху, сменным бельём, замшевым несессером с дорогими бритвенными принадлежностями и т.п. Около 10 часов утра 31 декабря заявитель обнаружил, что дверь со стороны водителя вскрыта, а чемодан, уложенный на заднее сиденье накануне вечером, пропал. Полиция приняла это заявление в работу и несколько констеблей стали опрашивать местных жителей, в т.ч. и жителей дома, в котором проживала убитая. Довольно скоро выяснилось, что несколько человек независимо друг от друга видели ранним утром на парковке рядом с домом автомашину с включённым двигателем и водителем за рулём. Машина казалась подозрительной не только потому, что стояла с погашенными огнями, но и потому, что ранее её в этом районе не видели, и никто не знал, кому она могла бы принадлежать.

Понятно, что когда стало известно об убийстве Дайаны Бейтц, эта информация оказалась очень полезна. Сразу же оформилось предположение, что в таинственной машине сидел убийца. Он дождался, пока жених оставит Дайану в одиночестве, после чего поднялся к ней в квартиру и совершил нападение. То, как он правильно выбрал момент для нападения, косвенно указывало на то, что, скорее всего, он знал Джеймса Будровски в лицо.

Судебно-медицинское исследование трупа подтвердило первоначальное предположение о смерти в интервале от 7 до 9 часов утра 31 декабря, однако, подкинуло следствию неожиданную загадку. Оказалось, что убийца совершил со своей жертвой анальный половой акт после её смерти. Учитывая, что руки Дайаны были связаны, ничто не мешало преступнику сделать это при жизни... По-видимому, половой акт с трупом был для убийцы предпочтительнее секса с живым человеком, а это означало, что убийца – некрофил.

Т.о. следовало искать не просто знакомого убитой, а человека с весьма специфичной и редкой девиацией.

Из криминалистической практики известно, что некрофилы тяготеют к такому виду работы, который каким-то образом связан с мертвыми телами. Они устраиваются работать в моргах, похоронных компаниях, иногда – на скотобойнях. Поэтому полиции Гуэльфа прежде всего следовало проверить людей, работающих (либо работавших в прошлом) в такого рода местах. Работа была проведена немалая – за три недели января детективы отыскивали и проверили более 200 человек, которые могли каким-то образом пересекаться с Дайаной Бейтц. Проверялось как прошлое этих людей, так и наличие у них alibi.

Работа эта никаких результатов не принесла.

Убийство Дайаны Бейтц не осталось незамеченным в городе: о случившемся написали местные газеты, по телевидению в криминальных новостях были переданы репортажи. Начальник полиции Гуэльфа Роберт МакКэрон в интервью, данном в начале января 1975 г., заявил, что убийство Дайаны – это первый случай такого рода аж с 1967 г. Как станет ясно из дальнейшего, на самом деле это было не так, но полиция попросту ничего не знала об убийствах.

Итак, к концу января 1975 г. расследование зашло в тупик. Никаких продуктивных идей не было, и причиной тому явилась довольно тривиальная ошибка следствия, а именно – заикливание на одной-единственной версии. Уверенность в том, что Дайана Бейтц сама пустила убийцу в собственную квартиру, до такой степени завладела умами правоохранителей, что они попросту не уделили внимания другим способам проникновения. Например, никто не изучил возможность попадания ключа в руки преступника, не были должным образом проверены соседи по дому и т.п. На самом деле, возможность разоблачить убийцу Дайаны имелась уже тогда, но некомпетентность канадских правоохранителей и малый опыт раскрытия такого рода тяжких преступлений сыграли с ними злую шутку.

В оправдание канадских работников щита и меча можно сказать, что им до известной степени помешал "информационный шум", подтверждавший их ошибочную версию. В начале марта появился свидетель, чьи показания, казалось, могли пролить свет на обстоятельства убийства Дайаны Бейтц. Некто Донован Колб, работавший в службе доставки сети цветочных магазинов, утверждал, будто на Рождество 1974 г. привозил Дайане букет тюльпанов. К букету был приложен стандартный для такого рода отправок конвертик, а в нём – небольшая карточка с отпечатанным типографским способом четверостишием Китса. В общем, по словам заявителя, было очевидно, что это романтический подарок и оплачен он мужчиной. Колб утверждал, что доставил презент по указанному адресу, поговорил по домофону с Дайаной, та впустила его в подъезд и у дверей квартиры получила букет. Во время следственного эксперимента Колб без ошибок ориентировался на местности, показал, где и как парковал автомашину, как прошёл к подъезду и до квартиры – в общем, не вызывало сомнений то, что он бывал в указанном подъезде. А потому история с букетом звучала вполне правдоподобно.

Далее стало интереснее. Жених убитой утверждал, что на Рождество 1974 г. не отправлял Дайане цветов и ничего не знает о такого рода подарках. Понятно, что история с букетом чрезвычайно заинтересовала следствие. На отработку этого направления были брошены лучшие детективы. Их работа с самого начала оптимизма не внушала – следов подобного заказа в финансовых документах цветочных магазинов найти не удалось. В принципе, эту неприятность можно было списать на то, что кто-то из продавцов умышленно не отразил этот заказ в отчётности с целью уменьшения налогооблагаемой базы ("левака запустил"), но признаться в этом никто из них не захотел. Хотя полицейские заверяли, что налоговые органы не узнают о неоформленном заказе, никто из продавцов его так и не вспомнил. Это заставляло думать, что такого заказа не было вовсе.

Почти месяц детективы с разных сторон пытались отработать эту "ниточку", но, в конце концов, прекратили это бесполезное занятие. Было решено, что никаких цветов Дайана Бейтц на Рождество 1974 г. не получала, а Дон Колб сделал своё заявление ошибочно. Дескать, сработал эффект "абберации памяти", при котором человек "вспоминает" события, на самом деле не происходившие. (В этом нет злого умысла, имеет место добросовестное заблуждение, вызванное тем, что мозг неосознанно встраивает какое-то волнующее событие, зачастую не связанное с человеком, в цепочку воспоминаний, частично видоизменяя и сами воспоминания.) Полной ясности в том, верны ли были утверждения курьера с цветами или он всё же вводил следствие в заблуждение, нет до сих пор. Всё-таки свидетель продемонстрировал знание некоторых деталей, о которых не сообщали средства массовой информации. Вполне возможно, что Донован Колб действительно привозил цветы Дайане Бейтц, но это обстоятельство на самом деле никак не могло бы помочь в изобличении истинного преступника.

К апрелю 1975 г. расследование этого убийства фактически застопорилось, и оно на долгое время перешло в разряд нераскрытых.

Примерно в то же самое время – если точнее, с марта 1975 г. – в Гуэльфе и другом городе в провинции Онтарио – Лондоне – стали фиксироваться довольно странные происшествия, вызвавшие поначалу у полицейских недоумение и даже улыбку.

Ранним утром 23 марта жительница Гуэльфа, имя которой никогда не было оглашено, позвонила в полицию и дрожащим голосом сообщила о краже из её квартиры, совершённой в ночное время. Женщина уверяла, что пока она спала, кто-то пробрался в её жилище и совершил хищение, или, по крайней мере, попытался это сделать. Заявительница допускала, что вор ещё прячется где-то в комнатах, и потому она боится полностью осмотреть квартиру. Полицейские, разумеется, немедленно прибыли по названному адресу и, с оружием наголо, осмотрели все комнаты, шкафы, кладовые, заглянули под диваны и кровати, отодвинули все занавеси и шторы. В конце концов, патрульные убедились, что посторонних в ней нет. Не было заметно – по крайней мере, на первый взгляд – и следов пребывания чужака. Заявительницу попросили осмотреть имущество и сообщить, если что-то пропало. Выяснилось, что деньги и ценности не исчезли, т.е. факта хищения как такового не было. Тем не менее, дама утверждала, что посторонний явно хозяйничал в её доме минувшей ночью – некоторые статуэтки на тумбочке были переставлены, из вазы исчезли конфеты, которые находились там ещё накануне вечером, наконец, у кровати в спальне стоял стул. Женщина была уверена, что таинственный гость сидел на этом стуле и смотрел, как она спит.

Сказанное, разумеется, звучало глуповато. Полицейские выслушали, покивали, наверняка решили, что тётенька немного подвинулась головой, но для проформы задержались и осмотрели замки на входной двери. Никаких подозрений на использование отмычек не возникло (правда, для точного ответа на вопрос об их возможном применении требуется извлечение замка из двери и его разборка, но канадские полицейские не стали тратить на это время). В общем, стражи порядка успокоили даму, как могли, заверили, что таинственное вторжение есть всего лишь плод её фантазии, и на том удалились.

Ровно через три месяца – буквально день в день – во всём похожая история приключилась в городе Лондон, расположенном на удалении около 100 км от Гуэльфа. Там женщина, снимавшая квартиру в новом многоэтажном доме, вызвала полицейских, утверждая, будто в её жилище ночью побывал неизвестный. Она в это время спала и очень была напугана тем, что таинственный визитёр вполне мог причинить ей какой-то вред. Из дома ничего ценного не пропало, однако женщина была уверена, что преступник рылся на полках, где было сложено её нижнее бельё, а также провёл какое-то время на кухне. Там он не только переставил стулья, но протёр стол и вымыл посуду, оставленную хозяйкой грязной до утра! Принимая во внимание, что квартира находилась на девятом этаже, а входная дверь не имела ни малейших следов взлома или открывания отмычками, такое заявление, конечно, не могло не вызвать у полицейских вполне понятного скепсиса. Те выслушали перепуганную дамочку, должно быть, посмеялись про себя, да и ушли...

Никаких последствий эти заявления не имели, однако, они попали в сводки происшествий, и на них было обращено внимание. Поэтому когда в сентябре 1975 г. другая жительница Лондона вновь позвонила в полицию с рассказом о ночном визите неизвестного человека, к заявительнице уже отправились детективы, а не рядовые патрульные. Рассказ потерпевшей, проживавшей на четвёртом этаже многоквартирного дома, почти во всём повторял детали июньской истории: переставленные стулья, перерытое бельё, исчезнувший шоколад, начисто отмытые и протёртые сухой тряпкой мойка и разделочный стол на кухне.

До конца 1975 г. стали известны заявления ещё о двух схожих случаях – один имел место в Гуэльфе, а другой – снова в Лондоне.

Можно было бы посмеяться над рассказами женщин и объявить их неврастеничками, но ситуация казалась куда неоднозначней. Трудно было поверить, что у пяти разных женщин независимо друг от друга имели место до такой степени схожие галлюцинации. Инциденты происходили в двух городах – Гуэльфе и Лондоне, о них заявляли только женщины, и все эти женщины жили в многоквартирных домах. Это обстоятельство, кстати, тоже добавляло странности происходившему, поскольку оба города застроены преимущественно индивидуальными домами. Но с теми, кто жил в отдельных домах, такого не происходило.

В 1976 г. странные инциденты не только не прекратились, но стали как будто чаще. В феврале жительница Лондона заявила в полицию, что была разбужена посреди ночи звуками из соседней комнаты, там будто кто-то открывал дверца шкафа и выдвигал ящики тумбочек. Женщина, ночевавшая одна в квартире – муж, пожарник по профессии, находился на дежурстве – по её признанию, была парализована ужасом до такой степени, что даже не могла найти в себе силы, чтобы закричать. Она не могла определить, как долго неизвестный хозяйничал в квартире, по её субъективному ощущению это длилось очень долго – минут 40 или даже час – но, в конце концов, таинственный визитёр вышел через входную дверь, аккуратно прикрыв её за собой.

Поведение странного ночного гостя полностью укладывалось в ту схему, что была отмечена прежде – он похитил дешёвую бижутерию и пару трусиков. Как он проник в квартиру, по-прежнему оставалось неясным, но, поскольку ничто не указывало на использование специального воровского "инструментария", появилось предположение, что незнакомец каким-то образом добывает копии ключей. Если бы удалось понять, как именно он умудряется незаметно для хозяев делать слепки их ключей, то задача по поиску и изобличению преступника моментально упростилась бы. Если бы все потерпевшие ходили в один бассейн, клуб, или, к примеру, к одному гинекологу, то можно было бы предположить, что преступник каким-то образом связан с этим местом и именно там он получает доступ к ключам от квартир. Но нет! женщины жили в разных городах, работали в разных компаниях (либо вообще не работали), имели разный возраст, принадлежали к разным слоям общества, они нигде решительно не могли пересекаться. Их объединяло только то, что все они жили в многоквартирных домах и в ночь инцидента все они были в одиночестве.

В мае и июне два сообщения о таинственном ночном визитёре поступили от женщин, проживавших в Гуэльфе. Неуловимый "домушник" оставался верен себе – осматривал полки шкафов и ящики тумбочек, переставлял вазы, пепельницы и даже зеркала, уносил с собою какую-то чепуховую мелочь, протирал мыльным раствором столы и даже пол (возможно, его обувь оставила следы, так что мытьё пола явилось вынужденной мерой).

Такое поведение неизвестного преступника до известной степени подействовало на полицейских расхолаживающе. Ночной воришка женского белья казался не опасным, а скорее убогим и жалким – ну, в самом деле, на женщин он не нападал, ценное имущество не похищал, действовал как тривиальный фетишист. Самая большая неприятность, которую он мог причинить – напугать внезапно проснувшуюся женщину. Никто не связывал неизвестного преступника с убийством Дайаны Бейтц. К середине 1976 г. детективы Гуэльфа и Лондона уже поняли, что на территории их городов действует один и тот же человек, и между полицейскими управлениями был налажен обмен информацией по этим делам. Дальше этого расследование, однако, не продвинулось.

Однако в июле произошло чрезвычайное происшествие, радикально перевернувшее отношение полиции к таинственному полночному визитёру. Женщина, жившая в многоквартирном доме в Лондоне, вызвала полицейский патруль на дом и сообщила о том, что проснулась посреди ночи от присутствия незнакомого мужчины в собственной кровати. Тот попытался её изнасиловать, крепко прижимался всем телом, женщина чувствовала бедром его половой член в состоянии эрекции и в ужасе закричала. Мужчина попытался закрыть её лицо

подушкой, но ему это не удалось, женщина вопила так, что её слышали соседи через несколько этажей. Насильник мгновенно сориентировался в быстро изменившейся обстановке, вскочил с кровати, метнулся к входной двери и был таков.

Обстановка на месте преступления ничуть не удивила детективов – всё было, как и в других случаях проникновения неизвестного в квартиры одиноких женщин: переставленные стулья, переложенные с одного места в шкаф на другие предметы одежды, неповрежденная входная дверь и т.д. Теперь, однако, преступник уже решился на изнасилование. Он явно прогрессировал и перерождался из фетишиста в насильника – так решили полицейские.

Это открытие, однако, никак розыску таинственного любителя влезать в чужие квартиры не помогло. Примет его у полиции не было, соображений о том, где и как искать – тоже.

Во второй половине 1976 г. и в начале 1977 г. последовало ещё несколько вторжений в квартиры женщин в Лондоне и Гуэльфе. Всего за период с января 1975 г. по апрель 1977 г. (т.е. за 26 полных месяцев) было отмечено 12 таких инцидентов, часть из которых упомянута выше. Полиция предполагала, что случаев скрытого проникновения в квартиры на самом деле было больше, но не все женщины обращали внимание на следы вторжения, а если даже и замечали их, то по разным причинам не заявляли в полицию. Из этих 12 эпизодов, ставших известными правоохранительным органам, наиболее важным оказался последний, имевший место в марте 1977 г. Результатом произошедшего явилось то, что полиция получила-таки описание разыскиваемого.

Имеет смысл сказать о случившемся поподробнее.

В ночь с 10 на 11 марта 1977 г. в полицию Лондона поступило сообщение от женщины, утверждавшей, будто она заперла квартирного вора на балконе. Поскольку квартира находилась на седьмом этаже, преступник оказался заблокирован, ибо быстро разбить металлопластиковые окна и дверь, чтобы убежать через квартиру, представлялось практически невозможным. Несколько полицейских патрулей немедленно помчались по указанному адресу и оказались на месте совершения преступления буквально через 4-5 минут после телефонного звонка. Женщина утверждала, что неизвестный мужчина залез к ней в кровать и попытался изнасиловать, она стала сопротивляться и громко кричать, это напугало насильника и тот, вскочив с кровати, бросился на балкон. Женщина проявила завидную смекалку и отвагу – она тоже поднялась с кровати и последовала за преступником, закрыв за ним балконную дверь. Нападавший оказался в своеобразной мышеловке – прыгать с балкона было самоубийственно, а покинуть его через квартиру он не мог.

Полицейские, взяв наизготовку оружие, вышли на балкон и... никого там не нашли. Внизу труп не оказалось – это означало, что преступник не решился прыгать. Предполагая, что негодяй перебрался на какой-либо из соседних балконов, полицейские пошли по квартирам, удостоверившись у жильцов, всё ли в порядке? В общем, полицейская операция поставила на ноги весь подъезд, однако закончилась безрезультатно. Преступника и след простыл.

Но мало того, что он таинственно исчез! Преступник задал очередную загадку: когда хозяйка квартиры в сопровождении патрульных прошла на кухню, то ахнула – посуда, оставленная ею грязной до утра, оказалась вымыта! Преступник не просто влез в кровать к женщине – он вымыл перед этим грязную посуду на её кухне!

Если годом или двумя ранее полицейские просто посмеялись бы над рассказом женщины, звучащем совершенно фантастически, то теперь к её словам отнеслись со всем вниманием и никто не поставил их под сомнение. Потерпевшую попросили описать нападавшего на неё, и оказалось, что она отлично его запомнила – это был мужчина белой расы в возрасте примерно 25 лет или старше, ростом около 180 см, с крепкой "бычьей" шеей, мощными руками, широкими крепкими ладонями, прямым тонким носом и тёмно-русыми короткими волосами. Женщина даже согласилась помочь полицейскому художнику нарисовать портрет.

В марте 1977 г. в розыске таинственного любителя ночных обысков забрезжил, наконец-таки, лучик удачи. Жертва второй попытки изнасилования, предпринятой преступником, сумела не только успешно отбиться от злоумышленника, но и отлично его рассмотрела. Так полиция обзавелась первым портретом разыскиваемого. Согласно полученному описанию, это был белый мужчина в возрасте 25—30 лет атлетического сложения, ростом 180 см, с «бычьей» шеей и мощной мускулатурой рук и торса.

Это был первый серьёзный успех правоохранительных органов в розыске таинственного любителя ночных краж. Но и не последний.

Детективы уточнили у потерпевшей, оставляла ли она дверь на балкон открытой на ночь? Выяснилось, что женщина делала это частенько даже в зимнее время; ложилась спать под тёплым пуховым одеялом, закрывала лоб и уши толстым махровым полотенцем и всю ночь дышала морозным воздухом. Балконная дверь была открыта и в ночь нападения. Эта деталь показалась немаловажной, что побудило полицейских задать точно такой же вопрос всем остальным женщинам, заявлявшим о ночных проникновениях в квартиры. Оказалось, что почти все из них оставляли на ночь двери балконов и лоджий открытыми. Две женщины затруднились с ответом, так как не помнили таких деталей, но важным представлялось то, что ни одна из потерпевших не утверждала категорически, будто дверь на балкон или лоджию в ночь нападения оставалась закрытой.

Эта информация ставила, наконец-то, всё на свои места. Теперь становилось понятно, как злоумышленник проникал в квартиры и почему он действовал только в многоквартирных домах. Хотя выбранный им способ представлялся, безусловно, крайне рискованным: некоторые из жертв проживали на четвёртом этаже, одна – на тринадцатом, ещё одна – на девятом! Лезть по балконам на девятый или тринадцатый этаж, чтобы вымыть грязную посуду и украсть трусики – это что-то из ряда вон выходящее...

Многоквартирные дома в Гуэльфе и Лондоне (современные фотографии). Бросается в глаза, что устройство балконов архитекторами, мягко говоря, не продумано. Мужчина выше среднего роста с крепкими руками без особых затруднений может влезть на второй и даже третий этаж этих построек. Что, однако, не отменяет крайнего риска при попытке подняться на большую высоту. Следует признать, что преступник, взбирившийся по балконам на тринадцатый этаж, был отчаянным сорвиголовой.

Отличная физическая форма человека, способного взобраться по наружной стене дома на высоту тринадцатого этажа, наводила на мысль о его специальной подготовке. Возможно, преступник серьёзно занимался гимнастикой или работал в цирке, увлекался скалолазанием, пробовал себя в качестве каскадёра. Понятно, что такой человек не мог иметь избыточный вес и при всей своей физической силе должен был весить не более 75-80 кг (при росте 180 см). Незаурядные физические параметры могли стать важным "индикатором истинности" при проверке потенциальных подозреваемых (разного рода доходяг, алкоголиков, обжор можно было отсеивать сразу). Очевидно, что людей с такими атлетическими данными не могло быть очень много. Полиция начала по всей провинции Онтарио искать молодых мужчин, серьёзно занимающихся спортом, и проверять их на возможную причастность к нападениям в Гуэльфе и Лондоне. Детективы приходили в спортивные залы, показывали менеджеру рисованный портрет подозреваемого, сообщали его описание и спрашивали, занимается ли здесь такой человек? Работа, конечно, предстояла колоссальная, но в принципе, она сулила успех. Преступник должен был попасться в сети.

События, между тем, развивались своим чередом. 15 апреля 1977 г. в полицию города Лондона, штат Онтарио, поступило сообщение об обнаружении в многоквартирном доме на Гранд-авеню тела молодой женщины, явно убитой. Уже первоначальная информация наводила на мысль, что случившееся явилось делом рук таинственного любителя лазать по балконам.

Луэлла Джордж (Luella George) занимала квартиру на четвёртом этаже и в свои 23 года была совершенно счастлива. Она работала кассиром в больнице, расположенной несколькими кварталами южнее, занималась спортом, по пятницам и субботам вместе с подругами заходила в бары – в общем, жила нормальной для своего возраста жизнью. Утром 15 апреля она не вышла на работу, и её начальница, дабы не создавать Луэлле лишние проблемы, решила её "прикрыть". Начальница проживала в том же доме, что и Луэлла Джордж, а потому хорошо знала администратора здания. Примерно в 10:30 она обратилась к нему с просьбой открыть своими ключами квартиру Луэллы, объяснив, что та, по-видимому, нездорова и, возможно, нуждается в помощи. Менеджер согласился помочь – он открыл входную дверь квартиры и обнаружил в спальне труп. Даже не имея никаких специальных познаний, он понял, что причина смерти криминальная, уж больно красноречиво выглядели тёмно-багровые следы рук на шее молодой женщины.

Прибывшие полицейские и криминалисты тщательнейшим образом изучили место преступления. Время наступления смерти Луэллы определили интервалом 9-12 часов до предварительного осмотра тела, т.е. примерно от полуночи до трех часов ночи. Жертва не была убита в кровати, преступник задушил её на полу спальни, на ковре. Во время душения жертва обмочилась, и убийца перенёс тело в кровать, после чего свернул ковёр и спрятал его за дверью гостиной. Пол в спальне он вымыл мыльной водой, на что указывали оставшиеся разводы, после чего, по-видимому, лёг в кровать и совершил половой акт с трупом.

Преступник осмотрел плательный шкаф и, как выяснилось чуть позже, забрал из него некоторые мелкие вещи. Никто из детективов не сомневался, что убийство совершил разыскиваемый любитель ночных прогулок по балконам, однако балконная дверь на этот раз оказалась закрытой изнутри. Это навело полицейских на ту мысль, что преступник попытался скрыть истинный способ проникновения в квартиру жертвы.

Полицейской собаке дали понюхать полотенце, которым убийца вытирал руки, и ищейка отвела кинолога к мусорному баку в двух кварталах от дома. При его осмотре был найден свёрнутый в трубочку полиэтиленовый пакет, в котором оказались пара женских трусиков и недорогие украшения – два кольца и серьги с искусственным жемчугом. Украшения были предъявлены знакомым и родственникам Луэллы Джордж, и все они опознали эти вещицы как принадлежавшие жертве. Т.о. убийца благоразумно избавился от похищенного, сообразив, что в случае ареста эти вещи могут превратиться в смертельно опасные для него улики.

То хладнокровие, что убийца проявил во время совершения преступления и последующем сокрытии следов, навело детективов на предположение о гораздо большей опытности разыскиваемого, нежели это представлялось ранее. Было ясно, что как минимум дважды этот человек пытался задушить свои жертвы (к счастью, оба раза неудачно). Теперь он довёл свой замысел до конца, но не потерял от этого голову, не запаниковал и не убежал поскорее вон из квартиры. Напротив, провёл на месте убийства ещё довольно много времени, наводя порядок и уничтожая следы собственного пребывания. Так может быть, этот человек и ранее уже проделывал такое, только преступления остались неизвестны по той причине, что место преступления оказалось скрупулёзно "подчищено" и смерть выглядела естественной?

Сотрудники правоохранительных органов провинции Онтарио, принимавшие участие в расследовании серии преступлений таинственного любителя ночных обысков. На фотографии слева: Роберт МакКэрон, начальник полиции города Гуэльфа в период 1965—1980 гг., активно содействовавший организации совместного с полицией Лондона расследования. В центре: детектив полиции Лондона Донован Эндрюс, привлекавшийся к оперативному обеспечению розыскных мероприятий. Справа: королевский прокурор Майкл Мартин, курировавший расследование на заключительном этапе, когда тому был придан статус особо важного. Произошло это весной 1977 г., после того, как выяснилось, что таинственный преступник не только совершает кражи из квартир, но и убивает находящихся там женщин.

Полиция Лондона обратилась к местным врачам с просьбой припомнить случаи подозрительных смертей за последние годы, о которых полиция не ставилась в известность. Были перечислены обстоятельства, сопутствующие таким случаям: женщина проживает одна в многоквартирном доме, непосредственная причина смерти неясна, но присутствует симптоматика удушья, возможно исчезновение из квартиры мелких вещей или предметов одежды, а также иные странности, обратившие на себя внимание родственников (передвинутая мебель, следы недавней уборки с использованием моющих средств и пр.). Поскольку было известно, что таинственный фетишист помимо Лондона орудовал также и в Гуэльфе, полиция этого города была

поставлена в известность о возникшем предположении. Там тоже был проведён аналогичный опрос врачей.

И тут-то всплыла история, связанная со странной смертью Дорис Браун в августе 1974 г.

Теперь-то слова Лоры о странных обстоятельствах тех трагических событий попали на подготовленную почву. Полицейские были склонны поверить девушке в том, что время срабатывания будильника было сдвинуто на час позже, и проделала это вовсе не Дорис Браун. Балконная дверь была открыта – это Лора помнила совершенно точно, а эта деталь тоже "работала" в пользу версии о полночном убийце. Но если дела обстояли именно так, как рассказывала Лора, то получалось, что преступник начал свою криминальную деятельность ещё летом 1974 г., т.е. за два с половиной года до описываемых событий! А значит, он был гораздо опытнее, чем считали поначалу стражи закона.

Разумеется, внимание "законников" привлекло и убийство Дайаны Бейтц. Некоторые детали этого преступления вроде бы не соответствовали модели, присущей любителю ночных прогулок по балконам. Например, на кровати убитой ворохом были навалены одеяла, убийца даже вытащил запасные одеяла из платяного шкафа и бросил их на кровать – это мало походило на свойственную разыскиваемому преступнику склонность к порядку и чистоте. Но вот другие детали вполне, как будто бы, соответствовали (аккуратно вынесенные за порог спальни тапочки Дайаны, вымытая посуда, чистота в комнатах и т.п.).

После анализа всех "за" и "против" правоохранители решили, что случаи смерти Дорис Брайн и убийства Дайаны Бейтц могут быть отнесены на счёт разыскиваемого преступника. Подобное решение означало, что этот человек не только вор и насильник, но и убийца с неопределённым на тот момент числом жертв. Что сразу же перевело расследование в категорию особо важных и приоритетных в масштабах всей провинции Онтарио. Курировать розыск преступника взялся Королевский прокурор Майкл Мартин, занимавшийся в те годы самыми серьёзными уголовными делами, в т.ч. связанными с расследованием заказных убийств, похищений людей и пр. Подключение чиновника столь высокого ранга к розыску преступника означало как повышение статуса расследования, так и выделение под него практически неограниченных ресурсов.

При попытке вычленить узловые моменты поведенческой модели преступника бросались в глаза следующие характерные для неё (т.е. модели) элементы:

– сексуальный мотив всех эпизодов проникновений в квартиры и убийств. Даже в тех случаях, когда преступник не убивал и не пытался изнасиловать жертву, он влезал в ящики с её нижним бельём, осматривал содержимое и что-то уносил с собою.

– склонность к тяжёлым сексуальным извращениям. Убийца демонстрировал черты некрофила (т.к. совершал половые акты с трупами) и фетишиста (т.к. интересовался женским бельём и похищал понравившиеся ему вещи).

– единообразный способ умерщвления жертв: душиение с использованием подушки, которое иногда дополнялось душиением руками (видимо, в тех случаях, когда жертва долго не умирала и требовалось ускорить этот процесс).

– преступник демонстрирует редкостную способность проникать в труднодоступные места, порой делая это с немалым риском для жизни. Преступник хладнокровен, выдержан, отлично контролирует эмоции, кроме того, он находится в прекрасной физической форме.

– одержимость чистотой и порядком заставляет преступника затрачивать немало времени на уборку места преступления, что связано с немалым риском разоблачения (может появиться кто-то из родственников жертвы, внимание соседей могут привлечь странные звуки и пр.). Тем не менее, убийца не в силах преодолеть свою потребность оставить после себя упорядоченное место преступления. По-видимому, эта поведенческая черта должна как-то проявляться и в повседневной жизни, поскольку трудно представить, чтобы такой человек мог быть неряшлив и нечистоплотен в быту.

– криминальный почерк преступника демонстрирует постепенную эволюцию в сторону усложнения, что характерно для многоэпизодных преступлений с неочевидным мотивом. Убийца проводит всё больше времени на месте совершения преступления, он стал вытаскивать женщин из кровати и душить их на полу, а затем возвращать тела обратно в кровать и т. п. При этом преступник предусмотрительно выбросил похищенные из квартиры одной из жертв вещи в мусорный бак, сообразив, что их обнаружение при обыске приведёт к его безусловному разоблачению. Преступник явно набирался опыта и, как свидетельствует полицейская практика, это означало, что жестокость злоумышленника в каждом следующем эпизоде будет только возрастать.

При этом обращало на себя внимание резкое изменение манеры поведения разыскиваемого на месте преступления. В некоторых случаях он действовал очень аккуратно, бесшумно, явно опасаясь разбудить хозяйку, и не предпринимал попытки совершить с нею половой акт. В двух случаях он рискнул совершить половой акт, но сразу же бежал, стоило только женщине закричать. Т.е. в этих случаях преступник явно не рассчитывал использовать свою силу для подавления способности жертвы к сопротивлению. Но зато в двух случаях (Браун и Бейтц) преступник решился на убийство, причём действовал настолько быстро и эффективно, что даже спавшая за стенкой дочь Дорис Браун ничего не услышала. Чем можно было объяснить столь странный разброс в поведении?

Самый очевидный ответ сводился к тому, что преступник является наркоманом и причуды его поведения обусловлены употреблением (либо наоборот, неупотреблением) тех или иных наркотиков. Устойчивая наркотическая зависимость являлась важным ориентирующим розыск параметром, и теоретически эта деталь могла бы сильно облегчить распознавание преступника. Теперь полицейские считали, что искать надо не просто хорошего спортсмена-гимнаста, артиста цирка или каскадёра, но и наркомана, профессиональная карьера которого, возможно, пострадала как раз из-за приёма наркотиков. Все эти соображения звучали вполне разумно, но, как показал дальнейший ход событий, они оказались на поверку совершенно ошибочны.

Трагедия, жертвой которой стала Луэлла Джордж, поставила правоохранные органы перед непростой дилеммой – сообщить средствам массовой информации имевшиеся материалы об акробате-убийце, или попридержать их некоторое время в надежде поймать преступника без лишней огласки. Борьба мнений была вполне понятна – предупреждение общественности о непойманном преступнике всегда выглядит признанием слабости правоохранных органов, а такого рода признания не понравятся никому из политиков хоть муниципального уровня, хоть регионального. Но задержка с информированием могла создать большие проблемы в будущем. Если преступник совершит новое убийство, то общественность будет крайне возмущена тем, что политики не пожелали предупредить людей о существующей угрозе. В общем, после довольно напряжённых переговоров, в которые включились не только руководители правоохранных структур, но и политики на уровне провинции, было принято соломоново решение: сообщить населению о преступнике, способном проникать в квартиры через балконы, но не упоминать об убийствах, совершённых в 1974 г. Паника никому не нужна, а вот призвать людей к бдительности – дело хорошее, примерно так рассудили ответственные лица.

В апреле газетчикам была дана информация о действующем в провинции Онтарио преступнике, проникающем в квартиры через незапертые балконные двери. Население просили не оставлять открытыми на ночь окна и двери, и понятно, что в преддверии тёплых месяцев подобное обращение вызвало массу вопросов, которые довольно быстро сменились сначала негодованием, а затем испугом. Журналисты, в конце концов, разузнали, что таинственный преступник подозревается в причастности к нескольким убийствам, и даже без существенных

деталей эта информация вызвала панику. Правоохранительные органы обвинялись в некомпетентности, от них требовали скорейшего рапорта об успехах... А вот успехов-то и не было.

Нельзя сказать, что полиция не имела подозреваемых. В принципе, среди жителей Онтарио удалось отыскать нескольких человек, производивших странное впечатление и как будто подходящих на роль киллера-верхолаза. Один из них, например, жил в районе Брейсбридж примерно в 150 км к северу от Торонто. Эти места изобиловали озёрами и лесами, и подозреваемый зарабатывал на жизнь тем, что в одиночку занимался расчисткой территории под частную застройку, а кроме того, аккуратно валил огромные деревья. Если старое дерево угрожало завалиться на дом или иную постройку, приглашали этого парня. Он влезал наверх и аккуратно рубил ствол частями. Человек не боялся высоты, без страховки и без использования каких-либо приспособлений поднимался вместе с инструментом на стволы любой высоты. О нём говорили как о человеке незаурядной силы и выносливости. При этом мужчина имел явные проблемы психиатрического профиля: жил бобылём, женщин избегал, общался только с мужчинами. Доходило до смешного – если во время его работы на участке появлялась женщина, он мог бросить всё и убежать на несколько часов. Выглядело это как застенчивость, но для крепкого мужика 35 лет такая "застенчивость" совершенно ненормальна. Были для него характерны и иные "закидоны" – подозреваемый явно искал общества подростков и детей, пытался с ними заговаривать, угощал всякой чепухой (шоколадками, жевательной резинкой и т.п.). Мужчина производил впечатление диковатого и несоциализированного, хотя явного криминала за ним, вроде бы, не замечали. Полиция провинции Онтарио довольно долго осуществляла за ним негласное наблюдение, и некоторые особенности его поведения привлекли внимание полицейских, например, странная "ритуализированность" некоторых действий, которые он осуществлял в строго определённой последовательности. Полицейские даже сняли небольшой кинофильм о поведении этого человека, который показали психиатрам с просьбой дать комментарии увиденному.

Следует отметить, что подозреваемый не считался психически больным, никогда не обследовался врачами этого профиля и, соответственно, не лечился. Тем не менее, казалось вполне очевидным, что у человека есть какие-то проблемы с психикой, хотя без специального обследования ставить диагноз никто не мог. Оперативники пошли на то, что даже негласно проникли в дом "лесоруба" и осмотрели его жилище. После этого все подозрения в его адрес отпали сами собой – мужчина оказался крайне неряшлив. Невозможно было представить, чтобы человек, никогда не мывший посуду у себя дома, принялся бы делать это в квартире жертвы. Имелось и другое обстоятельство, сильно "работавшее" против предположения о виновности подозреваемого "пильщика" стволов и веток – он жил в 180 км от Гуэльфа и более чем в 250 от Лондона, а подобное расстояние представлялось слишком большим для вылазок убийцы. Настоящий убийца явно был как-то связан и с Лондоном, и с Гуэльфом, а в случае с рубщиком леса из Брейсбриджа такая связь не просматривалась.

Подозреваемые появлялись и постепенно отсеивались, но блуждание розыска впопыхах грозило тем, что убийца успеет нанести новый удар. В конечном итоге так и случилось.

Около полудня 16 июля 1977 г. в полицию Лондона поступило сообщение о подозрительном отсутствии 22-летней Донны Велдбум (Donna Veldboom). Молодая женщина работала кассиром на автозаправочной станции и в эту субботу обязательно должна была появиться на работе. Однако этого не случилось, и все попытки дозвониться по домашнему телефону Донны оказались безрезультатны. Между тем, подруга Донны, работавшая с ней на той же автозаправке, сообщила, что накануне вечером та была у неё в гостях и ушла 23:30 в полном здравии. Начальник Велдбум, встревоженный этим рассказом, приехал к дому молодой женщины, однако, дверь ему никто не открыл. Он позвонил в полицию и попросил направить патруль, дабы администратор здания мог открыть квартиру в присутствии представителей закона.

Донна Велдбум

После некоторых проволочек и уточнения деталей патруль был направлен по указанному адресу, и в 13:30 полицейские вошли в квартиру. Они обнаружили Донну лежащей в кровати в спальне и укрытой одеялом под самый подбородок. Женщина была мертва. Когда полицейские подняли одеяло, стал хорошо виден ножевой разрез под левой грудью. Т.о. криминальная причина смерти не требовала доказательств. И очень странным казалось то, что удар, нанесённый в область сердца, не дал крови – её не было видно ни на трупe, ни на постельном белье.

Последовавшее изучение места преступления криминалистами показало, что убийство Донны Велдбум являлось куда более изощрённым, нежели это могло показаться на первый взгляд. Судебно-медицинская экспертиза проводилась лично Джоном Хиллсдоном (John Hillsdon), директором судебно-медицинского бюро провинции Онтарио, опытейшим специалистом своего дела, и благодаря этому были выявлены даже мельчайшие детали преступления. Оказалось, что молодая женщина была задушена, хотя такая причина смерти на первый взгляд представлялась наименее вероятной, поскольку бусы из жемчуга на её шее остались неповреждёнными. Убийца душил жертву не руками, а прижав подушку к лицу – это стало ясно после того, как криминалисты обнаружили на одной из подушек следы надрывов, оставленные при закусывании наволочки зубами жертвы в процессе борьбы. Удар ножом был нанесён в тот момент, когда сопротивление жертвы ослабло, возможно, когда Донна потеряла сознание или находилась в состоянии агонии. К этому времени женщина уже находилась на полу – в процессе борьбы убийца выволок её из кровати, очевидно, не желая испачкать постельное бельё кровью, мочой и калом жертвы. После того, как Донна скончалась, убийца тщательно смыл её кровь с тела – в ванной было обнаружено большое банное полотенце, всё перепачканное кровавыми разводами. После этого преступник переместил труп в кровать, вымыл пол спальни, очевидно, помылся сам (как минимум, вымыл руки) и лёг в кровать к телу убитой женщины. Он совершил половой акт с трупом, оставив в нём свою сперму, и пробыл на месте преступления ещё некоторое время. Он обыскал гардероб убитой женщины и, по-видимому, не отказал себе в удовольствии полакомиться её конфетами, фруктами и, возможно, молочными продуктами из холодильника. Во всяком случае, на кухне царил идеальный порядок, мусорный пакет оказался вынесен, а, как заметили ранее полицейские, любитель лазить по балконам обычно занимался подобной уборкой тогда, когда ел продукты жертвы.

Совокупность улик и значимых поведенческих признаков не оставляла сомнений в том, что убийство Донны Велдбум явилось делом рук разыскиваемого акробата-верхолаза. Но некоторые детали именно этого эпизода оказались весьма специфичными и наводили на определённые размышления. Прежде всего, мастер карабкаться по балконам никогда прежде не пускал в дело нож – он полагался на свою физическую силу, что выглядело, в общем-то, логично. Использование ножа представлялось явно избыточным, но то, что преступник пошёл на это,

означало постепенное усложнение его поведения в момент совершения убийства. Негодяй набирался опыта, становился смелее, увереннее в себе, в своих фантазиях он заходил всё дальше. Подобная эволюция криминального поведения характерна для серийных убийц. Это означало только то, что последующие убийства будут становиться всё более жестокими и бесчеловечными.

Существовала и другая любопытная особенность, сразу обратившая на себя внимание следователей. Донна Велдбум проживала в квартире на втором этаже в доме без балконов. Предположение, что преступник вскарабкался по гладкой кирпичной стене, представлялось совсем уж завиральным – проникнуть через окно мог разве что Карлсон с пропеллером из детской сказки. Убийца явно заходил в квартиру через дверь, но как он проник в дом, не привлекая внимание жильцов? В поисках ответа полицейские тщательно осмотрели окна первого этажа. Этот этаж был нежилым – там находилась прачечная, которой пользовались арендаторы квартир, теплообменный узел, дворницкая, а также несколько помещений, которые использовались в качестве складских. В них арендаторы могли оставлять лишнее имущество. В принципе, преступник мог проникнуть в дом через нежилой первый этаж, однако, все окна оказались целы.

Дом, в котором проживала и была убита Донна Велдбум. Бросается в глаза отсутствие балконов, и это обстоятельство заставило следователей задуматься над способом проникновения преступника в здание. Внимательный осмотр окон первого этажа показал, что все они целы и убийца явно прошёл к месту преступления другим путём. Фотографии взяты из телевизионного репортажа, подготовленного в октябре 1977 г., через три месяца после убийства Велдбум, поэтому отсутствие листвы на деревьях и зелени на газоне не должно смущать внимательного читателя.

Так как же убийца проник в дом?

Уточняя обстоятельства ночи с 15 на 16 июля, детективы выяснили следующее. Донна находилась в гостях у подруги до 23:30 и ушла в добром здравии. Ей надлежало преодолеть до своего дома около 600 м по району тихому и безопасному. Однако в то самое время, когда Велдбум уходила от подруги, в соседнем квартале произошёл подозрительный инцидент. В полицию позвонила девушка и уточнила, направлен ли к ней полицейский патруль? Как оказалось, некий мужчина, назвавшийся старшим полицейского патруля, обратился к ней по домофону с требованием открыть дверь в подъезд. Девушка не открыла, а вместо этого позвонила в участок. Полицейский дежурный направил к дому настоящие патрули, чтобы задержать мистификатора, но тот успел скрыться. Расстояние от дома, в который пытался проникнуть лже-полицейский, до дома Велдбум не превышало 200 м, и встреча подозрительного мужчины с убитой представлялась вполне вероятной. Поэтому первая версия, за которую ухватились следователи, сводилась к тому, что убийца повстречался с жертвой на её пути к дому и каким-то образом обманул её доверие, представившись полицейским.

Мог ли этот преступник проникнуть в подъезд вместе с Донной? В принципе, мог, но что произошло далее? Неужели жертва была до такой степени напугана, что пустила злоумышленника в собственную квартиру? Даже если он угрожал ей ножом, женщина должна была понимать, что, впустив этого человека в квартиру, она отрежет себе все пути к отступлению. Или события развивались иначе, и преступник не встречал Донну на пути домой, а позвонил ей по домофону уже после того, как она оказалась в квартире?

Первоначально следствие исходило из того, что убийца усыпил бдительность Донны Велдбум, выдав себя за полицейского в штатском. Это предположение было озвучено журналистам, и в первые дни после убийства оно вовсю обсуждалось в газетных статьях и телевизионных репортажах.

Тщательно были опрошены все жильцы дома, но никто из них в ночь на 16 июля не видел и не слышал ничего подозрительного. Никто не звонил в их домофоны, никто не стучал в двери, представляясь полицейским... В общем, всё было как обычно.

Донован Эндрюс, детектив отдела расследования тяжких преступлений полиции Лондона, чья наблюдательность в конечном итоге повернула следствие в нужное русло, впоследствии вспоминал, что в истории убийства Донны Велдбум в первые дни существовала какая-то недосказанность, концы с концами не сходились. Пока работники следствия считали, что убийца проникает в квартиры через балконы, всё вроде бы, выглядело понятным, но вот теперь, когда балкона не было, вопрос о способе проникновения не находил удовлетворительного объяснения. Считая, что убийства Донны Велдбум и Луэллы Джордж совершил один и тот же человек, детектив принялся сопоставлять материалы обоих расследований.

Прежде всего, он обратил внимание на то, что убитые в апреле и июле женщины проживали недалеко друг от друга (не более полукилометра). А вещи, похищенные из квартиры Луэллы, преступник выбросил в мусорный бак, находившийся прямо посреди прямой линии, соединявший места проживания жертв! Это выглядело очень странно – убийца явно был привязан не к городу даже, а к конкретному району! Ведь ничто не мешало ему потратить 15 или 20 минут на то, чтобы отойти или отъехать на машине на пару километров в сторону, отыскать мусорный бак в другом районе и выбросить вещи Луэллы Джордж там. Лондон во второй половине 1970-х гг. имел площадь почти 400 кв.км, так почему же преступник оказался привязан к совсем небольшой его части?

Детектив принялся сравнивать списки жильцов домов, в которых проживали жертвы. Донован сам не знал, что искал, и не верил, что совпадения отыщутся, но... совпадение нашлось! Некий Рассел Морис Джонсон проживал в обоих домах, точнее говоря, он фигурировал в обоих списках. Не зная ещё, как относиться к этому открытию, детектив Эндрюс

отправился в компанию, владевшую домом на Гранд-авеню, в котором проживала убитая 15 апреля Луэлла Джордж. Там он выяснил, что Рассел Джонсон снимал квартиру до 15 апреля, т.е. до середины месяца. Он перевозил вещи в тот самый дом, где ровно через три месяца будет убита Донна Велдбум. Менеджер дома, с которым детектив обстоятельно побеседовал, смог вспомнить, что автомобиль Джонсона в те дни находился в ремонте и мелкие вещи – грампластинки, одежду и т.п. – тот самостоятельно носил из одного дома в другой. В течение дня сделал несколько ходок туда и обратно. И детектив сообразил, что всякий раз Джонсон проходил мимо того самого мусорного бака, в котором оказались найдены личные вещи убитой женщины.

Выяснив эти детали, детектив Эндрюс почувствовал, что готов назвать имя таинственного убийцы. Он ещё ничего не знал о физической подготовке Рассела Джонсона и его личной жизни, но чутьё опытного сыскаря подсказывало, что простых совпадений в жизни не бывает. Ну, то есть, почти не бывает. И если в данном случае имеет место быть простое совпадение и ничего более, то Рассел Джонсон самый невезучий человек в Канаде.

Утром 19 июля Донован Эндрюс сообщил руководству следственной группы о своих подозрениях. Немедленно три пары детективов получили задание собрать всю возможную информацию о странном мужчине, умудрившимся "засветиться" по месту жительства, по меньшей мере, двух жертв.

Последовали новые интересные открытия.

Детективы быстро выяснили, что Рассел ходит "тягать железо" в спортивный зал, и отправились туда, дабы опросить менеджера. Но едва они представились, тот огорошил их неожиданной фразой: "Как хорошо, что вы пришли, я ждал вас все эти дни!" Полицейские аж даже языки прикусили, ведь ещё никто не знал, что Рассел Джонсон привлёк внимание следствия! Оказалось, однако, что менеджер ждал полицию вовсе не из-за Джонсона, а из-за убийства Донны Велдбум, о котором несколько дней назад написали все местные газеты. Жертва преступления не только проживала в одном доме с Джонсоном, но и занималась в одном с ним тренажёрном зале! Они не являлись близкими друзьями, но, разумеется, были знакомы, здоровались при встречах, и Донна до известной степени доверяла человеку, которого знала уже несколько месяцев.

Т.о. вопрос о способе проникновения в квартиру убитой женщины получил в высшей степени логичное объяснение. Джонсону не надо было угрожать ножом, опасаясь неадекватной реакции жертвы, он мог негромко постучать в дверь и с извинениями попросить соли. Или перца. Или стакан молока для утреннего омлета. Ну, разве кто-то откажет в такой просьбе соседу?

Теперь, когда детективы получили в Лондоне перспективного подозреваемого, следовало узнать, известен ли Рассел Джонсон коллегам из Гуэльфа? Любитель взбираться по балконам наследил и здесь, и там, а значит, какая-то связь с этим городом у него обязательно должна обнаружиться. После телефонного звонка из Лондона сотрудники полиции Гуэльфа подняли свои материалы по известным и предполагаемым преступлениям и отыскивали в них нужную фамилию. Оказалось, что Рассел Джонсон был тем самым человеком, который в день убийства Дайаны Бейтц – т.е. 31 декабря 1974 г. – заявил в полицию о краже из его автомашины чемодана с вещами. Машина была припаркована рядом с домом, в котором находилась квартира Бейтц, а в соседнем доме проживал отец Джонсона, к которому тот приехал в гости, дабы вместе встретить Новый год.

Что тут сказать? Ещё одно поразительное совпадение – Рассел Джонсон уже в третий раз оказывался в непосредственной близости от места преступления, причём все эти преступления правоохранительные органы считали эпизодами одной и той же серии убийств!

Все эти прелюбопытнейшие открытия позволили по-новому оценить инцидент с пресловутым похищением чемодана. Теперь уже никто не сомневался в том, что никакой кражи

не было вовсе, Рассел Джонсон выдумал всю эту историю для того, чтобы в случае появления подозрений в свой адрес сослаться на сделанное им обращение в полицию как доказательство собственной бесхитрости. Дескать, он и не думал скрывать от правоохранительных органов факт своего пребывания рядом с местом преступления, напротив, он сам же и обратился в полицию за помощью! Правда, в тот момент Джонсон явно переусердствовал, поскольку полиция убийство Дайаны Бейтц никак не связала с похищением чемодана и Рассел Джонсон не вызвал к своей персоне сколько-нибудь заметного интереса. Тем не менее, следовало признать, что сам по себе замысел с заявлением в полицию о вымышленном хищении был далеко не глуп.

20 июля за Расселом Джонсоном установили плотное негласное наблюдение. Для непрерывной слежки были выделены четыре пары оперативников, на автомобилях, которые сменялись каждые 8 часов (т.о. к слежке привлекались 24 человека), кроме того, пара молодых оперативников-спортсменов была направлена для слежки за Джонсоном во время тренировок последнего. Ещё два оперативных сотрудника были откомандированы под видом стажёров на производство, где трудился подозреваемый. Телефон подозреваемого был поставлен на "прослушку", также прослушивались телефоны, по которым Джонсон чаще всего звонил (отца, двух тёток и двоюродного брата). Кроме того, в квартире подозреваемого установили скрытые микрофоны, благодаря которым был хорошо слышен любой чих в любой точке помещения. Во время этой операции место жительства Джонсона подвергли негласному обыску, в ходе которого ничего, представляющего интерес для следствия, обнаружить не удалось. Перед полицией была поставлена задача ни на минуту не упускать подозреваемого из вида – ввиду его чрезвычайной опасности существовала угроза того, что, оторвавшись от слежки на час или два, тот успеет совершить ещё одно тяжкое преступление.

Рассел Морис Джонсон (Russell Maurice Johnson) родился в 1947 г. Уже в детстве он обратил на себя внимание странными и, как тогда казалось, необъяснимыми отклонениями в поведении. Мальчик демонстрировал резкие перепады настроения, для него были характерны вспышки ярости и жестокости, которые сменялись глубокой апатией и упадком сил. По линии матери в его роду были сумасшедшие и самоубийцы, так что родители в конечном итоге связали проблемы сына с дурной наследственностью. Рассела уже в 15 лет показали психиатру, и юноше поставили вполне оправданный диагноз «шизофрения». До известной степени лечение юноше помогло – Рассела удалось социализировать, т.е. ввести его поведение в рамки, приемлемые для окружающих. Он понимал, что болен, и до известной степени научился маскировать свою болезнь, так что подавляющее большинство окружающих о его проблемах даже не догадывалось. Джонсон вырос трудолюбивым, кроме того, он очень любил тяжёлую атлетику и культуризм, много времени проводил в спортзалах, буквально истязая себя интенсивными тренировками. Кстати, подобное рвение в занятиях спортом весьма нехарактерно для шизофреников (лица с этой болезнью обычно избегают занятий, требующих напряжения сил, и не стремятся поддерживать хорошую физическую форму). Одним из болезненных «пунктиков», на котором был заиклен Джонсон, являлась «мания чистоплотности», но в глазах окружающих потребность в чистоте была скорее достоинством, нежели недостатком. Спиртное Джонсон почти не употреблял: ещё в юности врач объяснил, что при шизофрении алкоголизм нивелирует воздействие лекарств и делает распад личности неизбежным. Сказанное отложилось в голове пациента, поэтому спиртные напитки стали для него табу на всю оставшуюся жизнь.

К своим тридцати годам, когда Рассел Джонсон попал "под колпак" правоохранительных органов, он был уже шизофреником со стажем. Во время сезонных обострений он без всякого принуждения обращался к врачам за лекарствами, и, хорошо разбираясь в рецептуре и дозировках, самостоятельно проводил назначенный курс лечения. Потом, когда приходила ремиссия, приём одних лекарств снижал, а других прекращал полностью. О его болезни знали

только самые близкие люди, для подавляющего большинства окружающих Рассел Джонсон на протяжении многих лет оставался симпатичным молодым мужчиной – аккуратным, спортивным, воспитанным, сдержанным и корректным, одетым с иголочки и пахнущим хорошим одеколоном. Создать семью с тем дефектом личности, что присутствовал у Джонсона, было довольно сложно: для шизофреника характерна выраженная эмоциональная холодность, и те, с кем он сближается, скоро начинают чувствовать, что "с этим человеком что-то не так". Даже если интимные отношения завязываются, то прекращаются очень скоро – шизофреник не способен любить и не нуждается в любви. Рассел нравился женщинам, он периодически начинал встречаться с некоторыми из них, но всякий раз отношения заканчивались разочарованием для обоих. Женщины быстро понимали, что сдержанность Рассела на самом деле есть не что иное, как безразличие, а его вежливость лишь маскирует полнейшее равнодушие к партнёру. Сам Рассел не понимал, чего же именно от него хотят женщины и почему все они в конечном итоге начинают называть его не иначе как "бесчувственным бревном".

На момент описываемых событий Рассел работал в компании "Linamar", одном из крупнейших машиностроительных холдингов Канады, специализировавшемся на выпуске узлов и компонентов для автомобильных гигантов США. Рассел был занят на участке контроля качества распределительных валов и коробок передач для грузовых автомобилей, он был на хорошем счету у руководства как дотошный, исполнительный и трудолюбивый работник. После смены на заводе он обычно отправлялся в спортзал, где остервенело тягал гантели и штанги. Два-три раза в неделю после вечерних тренировок он отправлялся на подработку в баре. Нет, он не мыл там посуду, как мог бы подумать кто-то из читателей – Рассел Джонсон работал "вышибалой". В баре его, кстати, ценили высоко и по достоинству – флегматичный и очень спокойный, Джонсон умудрялся одним своим видом и тихим голосом вразумить самых буйных и пьяных посетителей. Драться ему даже и не приходилось, его вид и манеры производили такое впечатление физической мощи и казались настолько пугающими, что никто из посетителей благоразумно с ним не спорил, не пытался лягаться и уж тем более не замахивался бутылкой. В общем, Рассел Джонсон был там на своём месте.

Полицейские, занятые наружным наблюдением, быстро поняли, что ритм жизни этого человека был очень напряжённым. На протяжении рабочей недели Рассел спал очень мало – примерно четыре часа в сутки, а то и меньше. Подобное напряжение сил требовало компенсации, и она происходила в выходные дни – с субботы на воскресенье Джонсон валялся в кровати по 12 и более часов, восстанавливаясь и приходя в себя перед началом новой трудовой недели.

Поначалу никто из полицейских не знал о психиатрических проблемах подозреваемого, однако уже первые дни слежки показали, что у этого парня "черепицами шурша, крыша едет не спеша". Прежде всего, при осмотре его квартиры выяснилось, что у Рассела весьма богатая домашняя аптека, причём в ней присутствуют очень серьёзные нейролептики и препараты ноотропной группы. Но дело было не только в этом. Когда Рассел Джонсон думал, что его никто не видит, он начинал вести себя очень странно. Усевшись в машину, он протирает руль гигиенической салфеткой, а другой – вытирал руки... проехав несколько кварталов, он выходил из машины и обходил какой-нибудь случайный дом кругом... застывал на несколько минут, словно ожидая кого-то, затем возвращался к машине... усевшись на водительское кресло, он опять протирает руль и руки и только после этого запускал двигатель.

Когда Рассел Джонсон в первый раз выкинул подобный фортель, офицеры "наружки" решили, что он готовится к нападению. Все четыре машины стянулись к дому, вокруг которого отправился на прогулку подозреваемый, а сотрудники полиции приготовили оружие, рассчитывая произвести арест в момент совершения преступления. Но после того, как Джонсон через некоторое время вернулся к автомашине, так и не сделав ничего предосудительного, возникло предположение о его осведомлённости относительно ведущейся слежки. Впрочем, опасения

эти оказались напрасны, Рассел Джонсон вовсе не догадывался о присутствии полицейских и свои странные прогулки неоднократно повторял и в дальнейшем.

Сотрудники, посещавшие тот же спортзал, что и подозреваемый, тоже отметили причуды в поведении Джонсона. Перед подходом к штанге он обрабатывал руки антисептиком, надевал перчатки, занимался со штангой, затем отправлялся мыть руки. Вернувшись в зал, вновь обрабатывал руки антисептиком, надевал перчатки и повторял подход. В течение тренировки Рассел мыл руки по 5—6 раз. Воспользовавшись моментом, оперативники вскрыли шкафчик Джонсона и осмотрели вещи, которые тот всегда носил с собой. В их числе оказались: флакон жидкого мыла, антисептик, увлажняющий крем для рук, две пары латексных перчаток. В сумке не оказалось ни ножей, ни верёвок, ни электрошокера – ничего из той чепухи, которую обыватели обычно связывают с преступным промыслом. Рассел Джонсон был таким человеком, который сам по себе являлся оружием. (В этой связи забавно читать про «набор насильника», найденный у Чикатило при обыске в 1984 г.: кухонный ножик, моток верёвки и баночка вазелина. Ну, конечно же, без вазелина никак нельзя изнасиловать! И вот одни умники такую чепуху пишут, а другие – с умным видом разносят по всем печатным и непечатным ресурсам...).

Полицейские, зная фамилию доктора, выписывавшего рецепты Джонсону, обратились к нему с просьбой рассказать о болезни его пациента, на что врач ответил отказом. Тогда оперативники засняли портативной кинокамерой странные перемещения подозреваемого по городу, его прогулки вокруг домов, постоянные протирания рук и т.п. закидоны и пригласили для консультации доктора Рассела Флеминга (Russell Fleming). Это был ведущий специалист психиатрической лечебницы в Пенетангюшине (Penetanguishene), городке с населением немногим более 7 тыс. чел. в 110 км к северу от Торонто. Лечебница эта была известна строгостью режима содержания больных, многие из которых являлись преступниками, направленными туда по приговору суда. Поскольку работники этой юдоли скорби работали в плотном контакте с представителями правоохранительных органов, последние часто приглашали их для разного рода неформальных и негласных консультаций. Флеминг посмотрел представленный ему кинофильм, почитал копии рецептов, послушал рассказы детективов о привычках подозреваемого и сделал предположение об объективности заболевания Рассела Джонсона. Поставить точный диагноз он, конечно, не смог, но признал, что человек, за которым ведётся слежка, болен, и в случае ареста вопрос о его психическом состоянии в момент совершения преступлений и возможной подсудности потребует проведения самой тщательной экспертизы.

Рассел Джонсон в середине 1970-х гг.

Рассел Флеминг помимо этого дал ценные рекомендации по тактике первого допроса Джонсона, если только решение об аресте будет всё же принято. Психиатр сказал, что поли-

цейским надлежит настроиться на долгое противостояние, психика подозреваемого ригидна, эмоционально он холоден, равнодушен, инертен, а это означает, что его очень трудно будет запугать, сбить с толку и т. д. Подталкивать такого человека к признанию вины, взывая к его совести, состраданию, чести совершенно бесполезно. Оскорблять и грозить такому человеку – бессмысленное занятие, он просто уйдёт в себя, и допрос на этом закончится. Задача допрашивающих должна будет сводиться к тому, чтобы «раскачать» психику подозреваемого, вызвать эмоциональную реакцию, истерику и даже панику. Совет, конечно, был хорош, но, учитывая, что никаких надёжных улик следствие в своём распоряжении не имело, применить его на практике было совсем непросто.

Единственной уликой, которой располагало следствие к последней декаде июля 1977 г., являлось совпадение групп крови Рассела Джонсона и убийцы Дайан Бейтц, Луэллы Джордж и Донны Велдбум. Располагая спермой убийцы, оставленной на телах его жертв, криминалисты сумели установить групповую принадлежность его крови, но далее это пойти не могли. До первых попыток сопоставления ДНК в криминалистике оставалось ещё десятилетие. Важность для суда обнаруженного совпадения групп крови Джонсона и убийцы переоценивать не следовало – примерно 12% мужской части населения Онтарио имели ту же группу крови, так что защите не составило бы большого труда отвести эту улику.

В течение недели силами полицейских управлений штата Онтарио и города Лондона осуществлялось скрытое наблюдение за подозреваемым, которое никаких особых результатов не принесло. Джонсон вёл себя все эти дни весьма странно, но непонятные выходки ни в чём его не уличали. Так могло продолжаться долго, но никакой гарантии успеха оперативных мероприятий никто дать не мог. Зато риск обнаружения подозреваемым наружного наблюдения возрастал с каждым днём. Если бы Рассел Джонсон понял, что находится в разработке, то он мог бы успеть избавиться от улик, которые, по мнению следствия, оставались спрятаны где-то в его квартире.

Послеполуденные часы 27 июля принесли следственной группе неприятную новость: во время обеденного перерыва Рассел сделал телефонный звонок отцу в Гуэльф и договорился о скорой поездке в гости. Телефон отца был поставлен на прослушку точно так же, как и домашний телефон самого Рассела, так что разговор тайны не составил. В Канаде первый понедельник августа национальный праздник, выходной (в силу присущего канадцам остроумия и находчивости он называется просто и без затей – Гражданский праздник). В 1977 г. этот праздничный день приходился на 1 августа, т.е. 30, 31 июля и 1 августа образовывали непрерывную череду из трёх нерабочих дней. Получалось, что вечером 29 июля Рассел мог выехать из Лондона в Гуэльф, и это обстоятельство рождало несколько неприятных организационных проблем, связанных с юрисдикциями полицейских управлений, организацией наружного наблюдения и т. п. Полиция Лондона не хотела выпускать подозреваемого из зоны своей ответственности, опасаясь, что полиция Гуэльфа проявит халатность (или допустит ошибку) и тем провалит всю операцию. Правоохранители всех стран стараются избегать ситуаций, когда разрабатываемое лицо приходится передавать другому ведомству или подразделению. Существует хорошее такое правило, проверенное опытом и временем: кто начал оперативную разработку, тот и должен её заканчивать. В данном же случае возникла угроза того, что перспективный подозреваемый ускользнёт из зоны влияния одного полицейского управления в зону другого, а оно просто провалит затеянную игру.

Поэтому 27 июля встал вопрос о дальнейшей стратегии расследования: либо арестовывать Джонсона в ближайшие часы и проводить тщательный обыск принадлежащего ему имущества в надежде отыскать улики, либо продолжать оперативную работу, рискуя выпустить подозреваемого в "чистое поле" и утратить скрытность проводимых мероприятий. В принципе, каждое из направлений имело свои достоинства и недостатки, но в конечном итоге победила склонность чиновников к перестраховке. Джонсона было решено "брать" и "колоть".

Правда, улики для "колки" не было. Вообще! Убийца не оставлял на месте преступления отпечатков пальцев, что казалось совсем неудивительным, принимая во внимание любовь Рассела Джонсона к перчаткам. Имевшее место совпадение групп крови подозреваемого и убийцы являлось всего лишь совпадением и, строго говоря, ничего не доказывало. Такая же группа крови была ещё примерно у 90 тыс. половозрелых мужчин, жителей провинции Онтарио. Вся надежда следствия сводилась к тому, чтобы добиться признания Джонсоном своей вины, да возможному обнаружению каких-то улик при тщательном обыске. Вот собственно, и всё!

Арест подозреваемого и его первый допрос поручили двум опытейшим детективам полиции Лондона Роберту Янгу и Ларри Россу. Росс был полицейским в третьем поколении (один из его сыновей сейчас имеет адвокатскую практику, так что тоже в каком-то смысле продолжил семейную традицию законников), он задерживал и допрашивал более дюжины опасных убийц. По канадским меркам это очень серьёзный опыт. Существует такое предание – официально никогда не подтверждённое – что прокурор Майкл Мартин предупредил обоим следующим образом: "Либо вы арестовываете Рассела и добываетесь его признания в ходе первого же допроса, либо вы ничего не добываетесь и в этом случае извиняетесь перед ним и выпускаете на свободу. Вы допрашиваете его от начала до конца, и вас никто не сменит!" В древней Греции матери говорили уходящим на бой воинам: "Со щитом, либо на щите", – подразумевая, что сын либо победит, либо погибнет в бою. Королевский прокурор в данном случае сказал примерно то же самое: либо детективы добиваются успеха и "колят" убийцу, либо выбранная ими стратегия допроса проваливается, и в этом случае никто им не поможет в минуту позора. Цинично, конечно, но действительно.

В архиве полиции Онтарио хранится аудиозапись ареста Рассела Джонсона. Квартира Рассела была напичкана скрытыми микрофонами, так что всё было прекрасно слышно от начала до конца. Когда-нибудь мы, возможно, услышим, как же именно это произошло. Росс и Янг вошли в квартиру Джонсона без всякого сопровождения, хотя вокруг дома находилось не меньше дюжины полицейских, готовых вмешаться при любом признаке того, что что-то пошло не так. Джонсону был сообщено о необходимости незамедлительно проехать в полицейское управление. Тот воспринял это требование абсолютно спокойно, попросил дать ему пару минут на то, чтобы одеться и обуться. За это время он также помыл руки.

Допрос начался незамедлительно по приезду в управление. За его ходом следила большая группа полицейских и прокурорских работников. В числе наблюдателей присутствовал и упоминавшийся выше психиатр Рассел Флеминг.

В самом начале допроса Джонсону предъявили постановление об аресте и поинтересовались, понимает ли он суть выдвинутых против него обвинений? Тот ответил утвердительно, заявил, что готов во всём сотрудничать и отказывается от вызова защитника. Он отрицал свою причастность к убийствам женщин, отвечал спокойно и лаконично, в полемику с детективами не втягивался. Стало ясно, что подозреваемый оказался крепким орешком, и сложно было понять, как же именно можно от него добиться признательных показаний.

Допрос Рассела Джонсона продолжался более 22 часов. Поначалу раз в час – а затем и чаще – обвиняемый в сопровождении полицейского конвоя выходил в туалет, где умывался и мыл руки. После двух десятков таких ходок, детектив Росс запретил Джонсону выходить из комнаты, объяснив это тем, что тот не пьёт столько воды, чтобы отправляться в санузел каждые полчаса. Запрет дал эффект очень скоро: Джонсон стал потеть, тяжело дышать, ему явно стало не по себе. Наблюдавший за ходом допроса психиатр Рассел Флеминг предположил, что обвиняемый переживает паническую атаку и, возможно, в ближайшее время с ним случится нервный срыв. Так и произошло – в начале двадцать второго часа допроса Рассел расплакался и признался в том, что болезненные помрачения рассудка толкали его на преступления.

Рассказ Джонсона произвёл тяжкое впечатление и превзошёл все ожидания правоохранителей. Согласно утверждениям арестованного, тот нарушал предписания наблюдавшего за

ним психиатра и не принимал согласно графику назначенные лекарства в нужной дозировке. Причина для такого поведения была на редкость тривиальна – лекарства вызывали сонливость, вялость, упадок сил, от них терялась координация движений, ухудшалась быстрота реакции, и становилось невозможно сосредоточиться. Но самый неприятный побочный эффект заключался в том, что Джонсон просто не мог заставить себя заниматься культуризмом: мышцы делались ватными, при малейшем усилии начинался тремор, безумное сердцебиение. Рассел нашёл выход из положения – он произвольно уменьшал дозировку и пропускал приём лекарств, что позволяло ему чувствовать себя более или менее нормально и купировать острые формы присущих ему расстройств. Подобной тактики он придерживался уже давно – лет десять или около того.

Подобная тактика, однако, имела один серьёзный недостаток. В какой-то момент Джонсон почувствовал, что не в силах управлять своими сексуальными потребностями. Похотливые импульсы толкали его порой на странные даже для него самого выходки: он мог остановить автомобиль, за рулём которого сидел, выйти из него и схватить за ягодицы проходившую по тротуару девушку, после чего вернуться к машине и уехать. Он мог подолгу – по часу и более – сидя в машине, бесцельно рассматривать проходящих мимо женщин. Он не делал попыток познакомиться с ними или хотя бы перебраться парой слов, просто тупо тарасился. Когда наваждение проходило, он сам поражался тому, на что тратил время.

С 1969 г. он начал в ночное время проникать в дома без цели совершить хищение. Ему просто нравилось прикосновение к чужой жизни. Джонсона интересовали женские вещи, если в доме оказывались вещи мужчин, он на них даже не обращал внимания. Зато он нюхал духи, рассматривал нижнее женское бельё, вытаскивал всю бижутерию. Иногда он забирал особенно понравившиеся вещи, но очень быстро избавлялся от похищенного, потому что, придя в себя, понимал, насколько опрометчив такой поступок.

Поначалу Джонсон влезал в индивидуальные дома, однако через некоторое время понял, что с точки зрения техники проникновения гораздо проще попадать в квартиры. Не надо ломать замки, разбивать стёкла, отжимать филёнки... достаточно подтянуться на руках и войти через балконную дверь. Если балконная дверь заперта, то можно встать ногами на перила и, подтянувшись ещё раз, подняться на балкон этажом выше. Джонсон подтягивался без особых затруднений более 30 раз, так что мог вскарабкаться на самое высокое жилое здание в Лондоне, даже не вспотев.

Свои вылазки он совершал по ночам, обычно в полнолуние, либо ближайшие к нему ночи. Преступник подолгу рассматривал спящих женщин, ходил по квартире, затем уходил тем же путём, что и пришёл. После таких вояжей он хорошо спал и наутро даже сам не верил в реальность ночного приключения. Джонсон заявил на допросе и впоследствии это повторял, что частенько на следующий день приезжал к тому дому, в который проникал ночью, и, рассматривая его, пытался понять, действительно ли он влезал наверх по балконам или это была всего лишь игра воображения? Подобный дуализм, кстати, характерен для шизофреников – они часто путают реальность с фантазиями и оказываются неспособны отличить реальные события от ярких видений.

В какой-то момент Джонсон решил перейти от созерцательной прогулки по чужой квартире к нападению на её хозяйку. Впервые это случилось в октябре 1973 г., тогда он задушил в кровати молоденькую девушку. Понаблюдав в течение нескольких дней за домом жертвы и не увидев полицейских, Джонсон понял, что совершённое им убийство осталось незамеченным. Последовавшая после допроса проверка показала, что 19 октября 1973 г. в собственной кровати в квартире на четвёртом этаже дома в Лондоне была найдена мертвой 21-летняя студентка университета Мэри Хикс (Mary Hicks). Удивительно, но врач-терапевт после поверхностного осмотра тела решил, что следов насилия нет, и в качестве причины смерти указал аллергическую реакцию на прописанное лекарство. Поскольку смерть молодой женщины не

квалифицировалась как подозрительная, полицию никто не вызывал и труп был похоронен без вскрытия.

То, как просто оказалось убить и остаться незамеченным, немало удивило Рассела Джонсона. Первое убийство доставило ему много острых и даже захватывающих ощущений, а потому он решил повторить опыт при первом же удобном случае. Такой случай представился через месяц во время поездки к отцу в Гуэльф. Рассел сообщил отцу, что планирует вечером сходить в бар и, если повезёт, то отыщет там женщину и задержится до утра. Вместо этого он отправился на машине колесить по городу, и эта прогулка в конечном итоге привела Джонсона в квартиру 42-летней Элис Рэлстон. Беззвучно подняться на третий этаж и войти через открытую балконную дверь в квартиру труда для преступника не составило. Убедившись, что Элис находится дома одна, преступник влез к ней в кровать, закрыл лицо подушкой, перенёс на пол и там задушил. Затем перенёс труп обратно, вымыл пол и лёг в кровать к тёплому трупу, точно к живой женщине. Рассел пережил такое половое возбуждение, что дважды с небольшим интервалом совокупился с телом. Уходя, он подоткнул одеяло под самый подбородок трупа, включил ночник и вложил в правую руку книгу. Смерть Элис Рэлстон лечащий женщину врач объяснил склеротическими изменениями сосудов, по его мнению, смерть была естественной, и потому в полицию никто из родственников не обратился. Вплоть до признания Джонсона, сделанного ранним утром 29 июля 1977 г., никому и в голову не приходило считать, что смерть Элис имела криминальный характер.

Весна следующего – 1974 года – была в Онтарио ранней и дружной. Уже в последней декаде февраля всюду светило яркое солнце, было не по сезону тепло. Рассел Джонсон, подобно всем психически больным людям, был очень чувствителен к погодным аномалиям и солнечной активности. Ранняя весна его «вштырила» сильнее бутылки водки, и он понял, что хочет совершить новое убийство. С этого момента новое нападение являлось лишь вопросом времени». В воскресную ночь с 3 на 4 марта он пустился в новое путешествие по лондонским балконам. В квартире на четвёртом этаже Джонсон обнаружил спящую молодую женщину, которую в привычной уже манере задушил, а затем осуществил половой акт с трупом. Приводя в порядок место преступления, убийца вновь вложил в руку жертвы книгу, словно бы та умерла в момент вечернего чтения. Кстати, в дальнейшем убийца фокус с книгой в руках не повторял – он понимал, что если начнут находить женщин, скоропостижно умерших во время чтения ночью, то это может показаться подозрительным.

Джонсон припомнил, что жертву звали Элеонор – это имя он прочитал на обратной стороне фотографии с изображением убитой женщины и мужчины на пляже – но вот фамилию назвать затруднился. Проверка, проведённая после допроса, показала, что речь шла об Элеонор Хартвик (Eleanor Hartwick), 27-летней медсестре, найденной мёртвой в собственной кровати 4 марта 1974 г. Её родители и жених испытывали сомнения относительно естественных причин смерти и настояли на вызове полиции. По иронии судьбы на место убийства в числе прочих выезжал и детектив Донован Эндрюс, участвовавший впоследствии в розысках любителя скакать по балконам. Тогда же, в марте 1974 г., Эндрюс ничего подозрительного в смерти 27-летней женщины не увидел...

Помимо признаний в совершении трёх убийств, о которых канадские правоохранители ничего не знали, Рассел Джонсон сообщил о своей виновности в убийствах Дорис Браун, Дайаны Бейтц, Луэллы Джордж и Донны Велдбум. Другими словами, он подтвердил предположения о том, что все эти случаи связаны с одним и тем же человеком.

Рассказывая об убийстве Дорис Браун, Джонсон уточнил, что осмотрел квартиру до нападения и обнаружил спавших в разных комнатах мать и дочь. Некоторое время он колебался, не зная, кого выбрать в качестве объекта нападения. В конце концов, решил, что полненькая Лора не так привлекательна, как худощавая Дорис, поэтому остановил выбор на матери. Рас-

суди он иначе, и поутру оказалось бы, что "скоропостижная смерть" настигла девочку в её день рождения.

Помимо признания в семи убийствах, Джонсон сообщил, что совершил большое количество ночных проникновений в жилища без причинения физического или материального ущерба их владельцам. С определением точного числа таких вторжений он затруднился, но согласился с тем, что таковых он совершил несколько десятков.

Также арестованный дал любопытные пояснения, позволившие лучше понять детали некоторых эпизодов.

В частности, Рассел Джонсон заявил, что отнюдь не всегда проникал в квартиры жертв через балконы. Например, в квартиру Дайаны Бейтц, убитой ранним утром 31 декабря 1974 г., он проник самым что ни на есть тривиальным способом, открыв входную дверь ключом. Дело в том, что до Дайаны эту самую квартиру снимала женщина, с которой Джонсон поддерживал некоторое время интимные отношения. Дамочка попросила Рассела помочь ей с заменой заедавшего замка, и Джонсон не отказал. Он купил новый замок и сразу же заказал пару дубликатов ключей – на всякий случай, без какой-то задней мысли. Замок он заменил, но подруге отдал не все ключи, один оставил себе. Женщина в скором времени рассталась с Джонсоном и примерно через полгода прекратила аренду квартиры. Съезжая, она отдала положенное количество ключей менеджеру, но при этом сохранила один дубликат у себя. А о существовании второго она даже и не догадывалась. После этого минул почти год, и Рассел Джонсон, приехавший к отцу в Гуэльф, вдруг припомнил, что когда-то бывал в этом доме и даже сохранил копию ключа. В общем, подумав немного, он решил заглянуть по известному адресу. Действовал Джонсон совершенно наобум, он не знал, кого может встретить за дверью и встретит ли вообще кого-либо?

В случае с запасным ключом от квартиры Дайаны Бейтц нельзя не отметить очевидную недоработку детективов полиции Гуэльфа. Проводя расследование, они просто обязаны были тщательно разобраться в том, кто и когда устанавливал замок, сколько жильцов пользовалось ключами (а каждый из жильцов потенциально мог изготовить дубликаты!), разыскать каждого и выяснить, терялись ли старые ключи и делались ли им на замену новые? Полицейские же подошли к своему делу весьма формально – они ограничились тем, что узнали у менеджера здания, сколько он выдал ключей Дайане (3 шт.), отыскали эти ключи и на том успокоились. Если бы тогда не был допущен этот грубый "косяк", Рассел Джонсон уже в январе 1975 г. мог бы попасть в число подозреваемых, и с большой долей вероятности удалось бы избежать последующих жертв.

Помимо рассказа об обстоятельствах проникновения в квартиру Дайаны Бейтц, Рассел Джонсон объяснил, как попал в квартиру последней жертвы, Донны Велдбум. Поскольку дом балконов не имел, вопрос о способе проникновения убийцы в жилище Донны вплоть до сознания Джонсона представлялся неясным. Оказалось, что преступник на этот раз действовал предельно бесхитростно – просто постучал в дверь и пояснил, что он – сосед, которому нужно позвонить, поскольку телефон в его квартире неисправен. Донна его сразу же узнала, поскольку неоднократно встречала прежде, да и в спортзале видела не раз. Она без колебаний пустила убийцу за порог, ну а последовавшее явилось для Джонсона всего лишь делом техники.

После допроса, растянувшегося почти на сутки, арестованного передали для освидетельствования психиатру Расселу Флемингу. По результатам собеседования тот решил, что Рассел нуждается в госпитализации. По мнению врача, состояние убийцы было крайне нестабильно, он мог предпринять попытку суицида и нуждался в профессиональном надзоре. Джонсон был направлен в специализированную клинику в Пенетангюшине, где пробыл три недели. В условиях стационара была проведена первая судебно-психиатрическая экспертиза, которая признала объективность хронического заболевания Джонсона шизофренией и констатировала, что тот страдает от острых эпизодов психотического характера, во время которых теряет связь с

реальностью и неспособен контролировать свои волевые импульсы. Подобное заключение экспертизы фактически делало убийцу неподсудным.

Когда Джонсона вернули в тюрьму, он отказался от сотрудничества со следствием и заявил, что нуждается в адвокате. Таковой был ему назначен – им оказался Валдис Либис, этнический латыш, вывезенный в годы Второй Мировой войны с оккупированной фашистами территории Советского Союза ещё ребенком. Либис построил защиту Джонсона на доказательстве его неменяемости, что, в общем-то, представлялось в сложившейся ситуации самым разумным.

Надо отметить, что власти довольно долго не сообщали об аресте Джонсона, очевидно, затрудняясь с оценкой судебной перспективы расследования. Лишь во второй половине августа, уже после того, как произошла утечка информации, правоохранительным органам пришлось признать, что человек, обвиняемый в многочисленных ночных вторжениях в квартиры одиноких женщин, находится в их руках.

После ареста Джонсона была инициирована большая ревизия медицинских документов, связанных со случаями подозрительных смертей женщин в Гуэльфе и Лондоне начиная с 1969 г. Помимо 7 случаев, уже известных правоохранительным органам, были обнаружены ещё 9 или 10, которые по некоторым признакам соответствовали криминальной манере Джонсона. Сам преступник никогда не признавал свою вину в каких-либо убийствах, кроме тех семи, о которых рассказал на первом допросе, так что некоторая неясность всё же осталась. Фамилии "неподтверждённых жертв" никогда правоохранительными органами не разглашались, так же, впрочем, как и подозрительные обстоятельства их смерти. Нет полной ясности и с точным числом проникновений в чужие жилища. Твёрдо известно о 12 таких случаях, но сам Джонсон признавал, что их, по-видимому, много больше, возможно около 30. Уточнить это число невозможно просто в силу того, что некоторое количество такого рода вторжений осталось незамеченным самими жертвами.

Другим интересным моментом явилось то, что прокуратура, недовольная экспертизой Флеминга и его коллег, назначила повторную психиатрическую экспертизу, которая была поручена Дугласу Викивэру (Douglas Wickware), профессору психиатрии Университета Западного Онтарио. Викивэйр в целом согласился с симптоматикой, описанной прежде его коллегами из клиники в Пенетангюшине, но вывод сделал немного иной. По его мнению, Рассел Джонсон не демонстрировал такого разрушения волевой сферы, которое лишало его способности отдавать отчёт в совершаемых поступках, предвидеть их последствия и управлять своим поведением. В целом, ретроспективно оценивая действия Джонсона во время совершения преступлений, трудно не согласиться с мнением Викивэра. Убийца прекрасно маскировал своё присутствие на месте преступления (действовал в перчатках, мыл полы, убирал запачканные ковры и пр.), принимал меры для того, чтобы убийство выглядело как ненасильственная смерть (душил подушкой, перетаскивал жертву на пол, чтобы не измять постельное бельё и пр.), избавлялся от улики (выбрасывал похищенные вещи), во время совершения преступления тщательно соблюдал скрытность (не шумел, не включал свет) и пр. Подобные осторожность и предусмотрительность никак не соответствовали поведению сумасшедшего, неспособного управлять собою. Соответственно, Рассел Джонсон должен считаться подсудным и может держать ответ за содеянное.

В принципе, детали эти уже не очень-то и важны, поскольку любому было ясно, что человека вроде Рассела Джонсона надо убирать из человеческого общества навсегда. А как это будет сделано на самом деле – поместят ли его в тюрьму или же в сумасшедший дом – вопрос не принципиальный, а скорее технический.

В январе-феврале 1978 г. состоялся суд над Расселом Джонсоном. Прокуратура решила поддерживать в суде обвинения только в трёх последних убийствах: Дайаны Бейтц (совершено ранним утром 31 декабря 1974 г. в Гуэльфе), Луэллы Джордж (совершено в Лондоне в ночь

с 14 на 15 апреля 1977 г.) и Донны Велдбум (совершено в ночь с 15 на 16 июля 1977 г. в Лондоне). Также выдвигались обвинения в 2 попытках изнасилования и 10 случаях незаконного проникновения в жилища. То, что прокуратура отказалась обвинять Джонсона в тех четырёх убийствах, которые он признал после ареста, следует считать совершенно правильным. Никаких улик, доказывающих причастность обвиняемого к смертям Мэри Хикс, Элис Ролстон, Элеонор Хартвик и Дорис Браун, у правоохранительных органов не имелось. Даже сами факты убийств оставались юридически не доказаны. Тела были давно похоронены, и за давностью лет их эксгумация представлялась бесполезной (её и не проводили).

Рассел Джонсон после ареста 28 июля 1977 г.

Судом с участием жюри присяжных руководил один из опытнейших судей штата Дуглас Каррузерс (Douglas Carruthers), законник в четвёртом поколении, один из тех людей, кого с полным правом можно зачислить в интеллектуальную элиту своего общества. В начале любого судебного процесса проводится судебный опрос – формализованная процедура, в ходе которой судья удостоверяется в аутентичности представленной ему личности подсудимого и ознакомлении подсудимого с обвинительным заключением. Судья также задаёт обязательный вопрос о том, понимает ли обвиняемый сущность предъявленных ему обвинений и, наконец, спрашивает, признаёт ли обвиняемый свою вину? На вопрос судьи: "Признаёт ли обвиняемый свою вину в инкриминируемых преступлениях?" – Джонсон неожиданно ответил: «Я признаю факт убийства трёх женщин, но я – невиновен».

Над нелепым ответом можно было бы посмеяться, но в англо-канадской юридической практике подобная формулировка означает намерение обвиняемого настаивать на собственной невменяемости. Сделав это лаконичное заявление, Джонсон тут же оповестил суд о намерении не давать показания в ходе судебного процесса. Принимая во внимание признанный обеими сторонами факт душевного заболевания подсудимого, следовало признать, что тактика защиты обвиняемого определилась уже на первых минутах процесса.

В принципе, никаких особых сюрпризов суд не преподнёс. Женщины, которых пытался изнасиловать таинственный любитель влезать в квартиру через балкон, уверенно опознали Рассела Джонсона, а сам подсудимый убийство трёх женщин и не отрицал. Так что вся интрига процесса свелась к противостоянию психиатрических экспертиз и тому, как оценят поведение обвиняемого присяжные. Совещание жюри продлилось менее двух часов, что очень мало для процесса с таким большим числом криминальных эпизодов. Это косвенно свидетельствовало о том, что никаких особых колебаний присяжные при вынесении вердикта не испытывали. Присяжные из нескольких предложенных формулировок вердикта выбрали такую, согласно которой Джонсон признавался виновным по всем пунктам обвинения, но ввиду выявленного психиатрического заболевания подлежащим принудительному лечению в учреждении соот-

ветствующего профиля. 2 февраля 1978 г. судья Каррузерз продублировал вердикт, постановив, что Рассел Морис Джонсон должен подвергнуться принудительному лечению в условиях строжайшей изоляции, и лечение это продлится столько, сколько сочтут необходимым лечащие врачи. Фактически этот приговор отправлял убийцу в "психушку" бессрочно.

Ontario mass killer: Strongler linked to 4 more deaths

By JIM FOX
Special Staff Writer

LONDON, Ont. — Seven women, including three in Guelph, died at the hands of accused mass killer Russell Maurice Johnson, police revealed Tuesday night.

In addition, it was learned, Johnson carried out a fourth murder in Ontario's "range of terror" last night in 1965 and could link the fourth to his July, 1966, London police confession.

During an Ontario Supreme Court trial here last month, Johnson was found not guilty by a verdict of insanity in Penetanguishene. The four other murder victims — one from Guelph and two from London — were never charged to be homicide because the bodies of two of them were found at the time of their deaths in 1965 and 1971.

The victims were:

- Mrs. Catherine Brown, a 36-year-old mother of two from Guelph, who died Oct. 19, 1971.
- Miss Jean Rankin, 42, who died at St. George's St., Apr. 2, 1965, and died Nov. 16, 1971.

— Eleanor Irene Harwick, 31, of London, who died March 4, 1971.

— Doris Ethel Brown, 46, who lived at 28 Edgewater Rd., S. Apr. 22, Guelph, and died Aug. 4, 1970.

Investigating officers found evidence linking the women and strangled in various ways on the scenes of their deaths in Miss Rankin and Miss Harwick.

The coroner said there was an apparent cause in the death of Miss Brown, but noted that the woman suffered from severe hardening of the arteries.

In the case of Miss Brown, police were assisted by her family doctor in the coroner's office because a post mortem indicated the death of natural causes.

Sgt. Harry Michalski, in charge of the criminal investigations division of the London police department, said Johnson admitted killing the women and strangled in various ways. He said Johnson was made out a homicide suspect after his arrest last July 20.

"It has been established in the investigation of reports that Russell Maurice Johnson is the author of three murders," Michalski said in a report made from a witness's account.

"Police would like to clear their names by making the report in the future," he said.

The Crown attorney has decided not to file charges against Johnson because of "insufficient psychiatric evidence" given at the January trial. It should be "difficult to prove a charge of murder in the future," he said.

Johnson said he had no memory of murdering the women of the range of terror as at the time of the murder of Doris Brown, Lucille Jeanne George, 32, and Doris Williams, 22, wife of London, in July, 1965.

The post-mortem of the murder victims and sections of the bodies have been received by police departments involved that the coroner have been sent. "No body was found," he said.

The coroner gave details and a brief outline of the 11 strangled murders, but police were not revealed because some of the victims were "serious and still under psychiatric care." He noted that some victims were:

- Mrs. Brown, who died alone, appeared to have died in her sleep as there were no signs of forced entry or resistance. Police said Johnson revealed details to police that would enable her to be identified.
- Mrs. Brown, appeared from her husband, died in the Guelph apartment with her husband's name on the door. It was found in the bedroom in the line of death.
- It was said Johnson gave his statement to police that they report of Mrs. Brown's death about three years earlier.

The coroner said there were other victims, but he did not say how many.

See STRANGLER—Page 2

Not guilty plea in death of women

LONDON, Ont. (CP) — Russell Maurice Johnson of London pleaded not guilty Tuesday in Ontario Supreme Court to charges of first-degree murder in the slaying of Catherine Brown during the last three years.

Johnson, 30, is charged with the slaying of Miss Rankin, 42, of Guelph, in December, 1971, Lucille Jeanne George, 32, of London, in April, 1971, and Doris Williams, 22, wife of London, in July, 1971.

Each of the women lived alone in apartments and were strangled and sexually assaulted.

In his opening statement, Crown Attorney Michael Martin said he would present evidence to show how Johnson killed the women by slipping into their apartments as they slept.

Body was bound

Miss Rankin's body was found by her 8-year-old son last night when he found her back with party lines.

Miss George was strangled when she was found in her fourth-floor apartment.

Johnson had been told after death he was guilty.

Case of mass strangler now closed: Guelph police

By JIM FOX
Special Staff Writer

GUELPH — The case of Russell Maurice Johnson-admitted slayer of seven women including three from Guelph — is officially closed.

Dr. Walter Scott, Wellington county coroner, said no inquest is planned into the two latest Guelph murders confessed to by Johnson, 30, of London, Ont.

The murders were not originally classed as homicides because coroners found no evidence of foul play or attacks on the victims, and in one case police were not notified of the death.

and the slaying of two London women. He is serving an indefinite term in the Ontario Mental Health Centre at Penetanguishene.

Guelph police did not realize there had been any other murders other than the Betts case until Johnson was arrested last July.

It was revealed Tuesday night by police that Johnson, who lived in Guelph until 1965 when he moved to London, confessed to murdering four London women, three Guelph women and attacking 16 other London women in their beds between 1969 and 1977.

Wellington Crown attorney Richard Chaloner told The Record Wednesday that it is not contemplated at this time charges against Johnson.

Johnson will undergo psychiatric treatment at Penetanguishene and be subject to an annual review by an advisory review board to determine if it is safe to allow him to return to society.

Dr. Russell Fleming, a psychiatrist at Penetanguishene, said the centre has a "very conservative release program . . . as long as they're dangerous they stay here."

"There is a high degree of certainty before someone is released," he added.

Meanwhile, Attorney-General Robert McMurtry said Wednesday he supports the London police commis-

Канадские средства массовой информации в январе-феврале 1978 года внимательно следили за ходом судебного процесса по обвинению Рассела Мориса Джонсона в убийствах, практически в каждом газетном номере можно обнаружить публикацию – и даже не одну! – так или иначе связанную с этим необычным уголовным делом.

Джонсон попал в уже знакомый ему Центр психического здоровья в Пенетангюшине, где долгие годы содержался в условиях полнейшей изоляции. Упомянутая клиника имеет один из самых строгих режимов среди учреждений такого профиля в Канаде.

Многие думают, что такого рода места намного лучше тюрьмы и те преступники, которые там оказались, избежали возмездия, но это весьма спорное утверждение. Все больные в "отделении особо опасных пациентов" в Пенетангюшине содержатся в условиях полной изоляции и имеют куда меньше прав, чем тюремный заключённый. Не будет ошибкой сказать, что пациент фактически оказывается заложником хорошего отношения к нему со стороны лечащего врача, действия и назначения которого он никак не в силах оспорить. Если на тюремщика можно жаловаться (по крайней мере, теоретически) в надзирающие органы и инстанции, то жалобы на врача со стороны психбольного лишены смысла по определению.

Известно, что в Пенетангюшине Джонсону помимо традиционных для психиатрии лекарств в огромных дозах вводили "Iurgon", мощный препарат, подавляющий гормональную систему и препятствующий выработке тестостерона. Применение "лапрона" влечёт множество сопутствующих осложнений – разрушение иммунной системы, аллергические реакции, провоцирует астму, заболевания сердца и др. Это лекарство из арсенала онкологов, которые используют его при лечении самых серьёзных заболеваний, при которых на побочные эффекты уже

можно закрыть глаза. Поскольку Рассел Джонсон попал в лечебницу совершенно здоровым в физическом отношении мужчиной, можно не сомневаться, что многолетнее использование "лапрона" превратило его в инвалида.

В 2006 г. была проведена проверка ДНК из биологических материалов с мест убийств Дайаны Бейтц, Луэллы Джордж и Донны Велдбум на их соответствие ДНК Рассела Джонсона. Анализ показал, что, по крайней мере, в двух случаях сперма действительно происходила от осуждённого. В случае с Дайаной Бейтц сравнение оказалось невозможно из-за загрязнённости исходного биоматериала. Таким образом, вопрос о возможном самооговоре шизофреника и имевшей место судебной ошибке получил окончательный и исчерпывающий ответ: Рассел Джонсон виновен в инкриминируемых ему преступлениях и его признательные показания не являются самооговором.

В сентябре 2008 г. – т.е. спустя 30 лет со времени начала заточения Джонсона в Центре психического здоровья в Пенетангюшине – было объявлено о его предстоящем переводе в клинику с намного более мягким режимом содержания, расположенную в небольшом городке Броквилль (Brockville) на самой границе с США. В этом лечебном учреждении индивидуальные палаты не имели замков, а между мужским и женским отделениями не существовало ограждений, т.е. больные могли спокойно проходить из одного в другое. Кроме того, больные периодически отпускались в город в сопровождении трёх работников клиники и имели возможность посещать многолюдные места, например, рестораны. Делалось это с целью повышения социализации пациентов и в качестве стимула для улучшения их поведения. Информация о переводе вызвала определённое беспокойство среди жителей Онтарио, которые испытали вполне понятную тревогу за собственную безопасность. В 2008 г. Джонсону исполнился 61 год, и было неясно, каковы же его физические кондиции, сможет ли он при желании совершить нападение на трёх сопровождающих санитаров и справиться с ними или обманом ускользнуть из-под их опеки? Врачи уверяли, что физические возможности Джонсона существенно понизились в сравнении с тем уровнем, что он демонстрировал 30 лет назад, но признавали, что определённый риск в работе с психически больными людьми существует всегда. Тем не менее, давалось понять, что решение о переводе уже принято и отменено не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.